
ОБСТАНОВКА НА АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ ТЕАТРЕ ВОЙНЫ В 1945 г.

1945 г. стал завершающим во Второй мировой войне. В первые месяцы этого года военно-политическое положение главных виновников войны резко ухудшилось. В результате зимних кампаний вооруженных сил союзников по антифашистской коалиции окончательно распался агрессивный блок в Европе, нацистский режим в Германии агонизировал. Все более неблагоприятной становилась ситуация на Тихом океане и в Восточной Азии для дальневосточного агрессора. После разгрома Германии, повлекшего за собой развал фашистско-милитаристского блока, Япония осталась единственным бывшим его членом, продолжавшим тем не менее упорное сопротивление союзникам СССР по антифашистской коалиции, что влекло за собой все новые и новые жертвы. Обстановка на Азиатско-Тихоокеанском театре Второй мировой войны требовала от руководства союзных держав принятия судьбоносных решений, и они были выработаны на Ялтинской и Потсдамской конференциях лидеров «большой тройки», результатом чего стало участие Советского Союза в войне против Японии.

Вступая в войну на Дальнем Востоке на стороне союзников по антифашистской коалиции, СССР преследовал исключительно справедливые, гуманные цели: ускорив победу над японским агрессором, покончить с войной на Дальнем Востоке, уберечь воюющие стороны от новых многомиллионных жертв, вернуть Советскому Союзу ранее отторгнутые японцами у Российской империи Южный Сахалин и Курильские острова, открыть свободный выход для его кораблей и судов в Тихий океан, чему препятствовала Япония, помочь народам Китая и Кореи в освобождении от японских захватчиков, а народам других стран Азиатско-Тихоокеанского региона — от японского оккупационного и колониального угнетения.

Советский Союз имел достаточно оснований для вступления в войну против Японии, о чем дал понять Токио задолго до этого, денонсировав 5 апреля 1945 г. Пакт о нейтралитете, что, в принципе, было предусмотрено его 3-й статьей. В заявлении советского правительства по этому поводу указывалось, что пакт был подписан до нападения Германии на СССР и до возникновения войны между Японией, с одной стороны, и Англией и США — с другой. Советским Союзом было заявлено: «С того времени обстановка изменилась в корне. Германия напала на СССР, а Япония, союзница Германии, помогает последней в ее войне против СССР. Кроме того, Япония воюет с США и Англией, которые являются союзниками Советского Союза. При таком положении Пакт о нейтралитете между Японией и СССР потерял смысл, и продление этого пакта стало невозможным»¹.

Денонсировав за четыре месяца до согласованного с союзниками срока вступления в войну Пакт о нейтралитете, советское правительство фактически недвусмысленно предупредило японское руководство о возможности участия СССР в военных действиях против Японии. И это в Токио хорошо понимали. В середине апреля сотрудники военного аппарата

японского посольства в Москве в своих разведывательных донесениях сообщали в центр: «Ежедневно по Транссибирской магистрали проходят от 12 до 15 железнодорожных составов... В настоящее время вступление Советского Союза в войну неизбежно. Для переброски около 20 дивизий потребуется около двух месяцев»².

Нельзя исключать, что японская разведка имела сведения и о договоренности союзников по поводу возвращения СССР после войны Южного Сахалина и Курильских островов. Но и без этого в Токио знали, что СССР будет требовать возвращения ранее принадлежавших России дальневосточных земель. Ведь именно такая позиция СССР определила, как уже отмечалось ранее, решение Японии заключить в 1941 г. пакт не о ненападении, а о нейтралитете, не предусматривавший разрешения территориальных споров. Это косвенно подтверждается существованием у японского правительства намерения выторговать неучастие СССР в войне в обмен на «добровольную» уступку ему этих и других территорий. Советский Союз не пошел на эту противоречившую договоренностям с союзниками сделку.

В заявлении, сделанном 8 августа 1945 г. японскому послу народным комиссаром иностранных дел СССР В. М. Молотовым по поводу вступления Советского Союза в войну против Японии, говорилось: «Советское правительство считает, что такая его политика является единственным средством, способным приблизить наступление мира, освободить народы от дальнейших жертв и страданий и дать возможность японскому народу избавиться от тех опасностей и разрушений, которые были пережиты Германией после ее отказа от безоговорочной капитуляции»³.

Война Советского Союза против Японии, таким образом, носила для его народа справедливый, а для жертв японской агрессии и самих японцев — гуманный характер, что вызывало патриотический подъем советских людей, стремившихся к восстановлению исторической правды, возвращению исконно русских земель. Она явилась логическим продолжением той политики, которую проводил Советский Союз в борьбе с нацистской агрессией и ее последствиями для народов СССР и оккупированных фашистами других стран Европы, что порождало массовый героизм воинов Красной армии и Военно-морского флота и в борьбе с японскими милитаристами, а также обеспечивало моральную поддержку вступления СССР в войну со стороны мировой общественности.

Судьбоносное для всего мира решение Советского Союза о вступлении в войну на Дальнем Востоке явилось результатом драматического развития международной военно-политической и стратегической обстановки. Долгие 14 лет тянулась череда преступлений японской военщины, приведших только в Китае к гибели свыше 35 млн человек⁴. Трудно подсчитать, сколько преступлений совершили бы японские милитаристы, если бы война в зоне Тихого океана шла тем же чередом, что и в предыдущие годы.

В условиях продолжавшегося сопротивления Японии, которое, по однозначным прогнозам, ожидалось еще более ожесточенным в случае вторжения союзных войск на территорию Японской метрополии, единственной возможностью ускорить окончание войны и сберечь миллионы человеческих жизней было вступление в войну нового мощного союзника и уничтожение им стратегически важной группировки противника на континенте. В этом понимании великие державы были едины и в период торжества коалиционных усилий по разгрому фашистского блока в Европе, и когда внутри антифашистской коалиции появились первые четкие признаки кризиса. Советский Союз с честью выполнил свой союзнический долг.

Положение на Азиатском и Тихоокеанском театрах военных действий накануне вступления СССР в войну против Японии

Обстановка к лету 1945 г. на все еще обширном Азиатско-Тихоокеанском театре Второй мировой войны оставалась, несмотря на очевидные успехи союзников, весьма сложной, особенно в континентальной его части, и требовала от них значительного наращивания войск и сил для решающих сражений.

Капитуляция японских сил на Филиппинах

Наибольших успехов союзники добились на Тихоокеанском ТВД. После многих лет затяжных военных действий союзное командование с начала 1945 г. прочно удерживало на океанском театре стратегическую инициативу, эффективно осуществляло блокаду Японских островов со стороны океана.

Поражение японского флота в Филиппинском морском сражении в октябре 1944 г. привело к завоеванию американскими военно-морскими силами полного господства на море, а с захватом американскими войсками и силами флота к середине марта 1945 г. острова Иводзима, к началу последней декады июня — острова Окинава и к концу этого месяца — ключевых позиций в центральной и южной частях Филиппин союзные силы вышли со стороны океана на ближние подступы к Японским островам. Утрата японцами аэродромов на Иводземе, Филиппинах и Окинаве позволила США перебросить в зону досягаемости Японской метрополии истребители поддержки стратегических бомбардировщиков, летавших ранее на бомбежки японских городов без прикрытия.

Вместе с тем, несмотря на значительное ухудшение положения японских войск и сил флота, императорская ставка не помышляла о безоговорочном прекращении военных действий и продолжала готовить страну к борьбе до победного конца. В этом свете уместно отметить, что в западной, особенно американской историографии часто неоправданно высоко оценивают результаты действий США и Англии против Японии. Многие американские историки склонны утверждать, что США уже к концу 1944 г. полностью сокрушили военную мощь Японии и что к августу 1945 г., когда в войну вступил Советский Союз, она уже не способна была сопротивляться, ибо оказался окончательно подорван ее военно-экономический потенциал, истощены военные ресурсы и в основном уничтожены вооруженные силы. Объективный анализ развития ситуации в войне против Японии свидетельствует о том, что в действительности этого не произошло ни в 1944 г., ни к августу 1945 г.

Основную роль в войне против Японии в этот период Соединенные Штаты отводили авиации. Так, если в 1942—1944 гг. американская авиация осуществила всего 76 налетов, в которых приняли участие 2079 самолетов, то лишь в марте 1945 г. она бомбардировала японские города 91 раз, а количество самолето-вылетов составило 3509. Но наибольшая интенсивность налетов пришлась на июль, когда было совершено 20 859 самолето-вылетов. Всего в ходе воздушной войны на острова Японского архипелага было сброшено 160,8 тыс. тонн бомб, из них 147 тыс. тонн — стратегическими бомбардировщиками В-29⁵.

Добившись господства на море и в воздухе, вооруженные силы США получили реальную возможность свободно выбирать направления переброски к Японским островам сухопутных войск. На отбитых у японцев островах создавалась система базирования, опираясь на которую американское военное командование не только усилило воздушные бомбардировки территории Японии, но значительно активизировало борьбу на ее морских коммуникациях.

Нарушение морских коммуникаций сыграло важную роль в сокращении военного потенциала Японии, который почти полностью зависел от импорта, составлявшего в 1940 г. 22 млн тонн. Общий тоннаж японского торгового-транспортного флота к началу военных действий на Тихом океане достигал 6 млн брт, а с декабря 1941 г. по август 1945 г. было построено торговых судов водоизмещением 3,3 млн брт. Однако потери в ходе борьбы на коммуникациях были больше, чем возможности японских судоверфей по строительству новых и ремонту поврежденных судов для их восполнения. Объем нового строительства в Японии в 1942—1944 гг. колебался в пределах 31—35% от размера потерь, а объемы ремонта были вообще мизерными. В результате суммарный тоннаж транспортного флота страны уже к 1 января 1945 г. сократился до 2786 тыс. брт, что составило менее 47% довоенного уровня. Между тем за период с 1 января до 15 августа было потеряно еще 639 судов водоизмещением 1504 тыс. брт⁶. Всего же за годы войны на Тихом океане (декабрь 1941 — сентябрь 1945) японский торговый флот потерял 2259 судов общим тоннажем 8 132 021 брт⁷.

Следствием разгрома транспортного флота (кстати, доля погибших в его личном составе равнялась 46% против 8% в армии и 12% в ВМС) явилось резкое сокращение поставок в Японию сырья, в первую очередь нефти, бокситов, редких металлов, то есть базовых элементов в

рецептуре военного производства. Вследствие понесенных потерь на морских коммуникациях военная экономика Японии уже не могла в полной мере обеспечивать потребности войск, флота и авиации в вооружении и боевой технике, а также горюче-смазочных материалах. Особенно неблагоприятно сказалось сокращение ввоза нефти и нефтепродуктов, доставка которых шла теперь только через Китай, и то в ограниченном количестве⁸.

В результате поражения японского флота в Филиппинском сражении и возвращения американцев на Филиппины для Японии возникла реальная угроза вторжения союзных войск в Индокитай, на восточное побережье Китая, а также в метрополию. Однако из-за постоянного присутствия на дальневосточных рубежах миллионной группировки советских вооруженных сил японское командование не имело возможности перебросить в районы, представлявшие для него угрозу, основные силы практически бездействовавшей Квантунской группировки войск.

Союзникам действительно удалось изгнать японские войска со значительной части территорий, которые они захватили в начале войны. Общими усилиями их заставили отойти на «внутреннюю линию обороны». Серьезные поражения японского флота в ряде морских боев и сражений с американским флотом на Тихом океане и выход американских вооруженных сил на ближние подступы к Японии не создали, однако, условий для перехода их в решительное наступление. Япония по-прежнему не помышляла о безоговорочном прекращении военных действий⁹ и, продолжая сопротивление на других фронтах, развернула подготовку для отпора американо-британскому наступлению непосредственно на Японских островах, а также к обороне в Корее и на северо-востоке Китая. Она еще располагала многомиллионными вооруженными силами, прежде всего опытной армией, способной к длительной и упорной обороне. Несмотря на крупные масштабы бомбардировок американской авиации, 65% бомбового тоннажа использовалось не против военно-морских и авиационных баз, сосредоточений войск или военно-промышленных объектов, а для разрушения японских городов и других населенных пунктов, уничтожения, в том числе с применением напалма, гражданского населения. По японским данным, в результате всех налетов американских военно-воздушных сил на Японию были убиты, ранены и остались без крова около 10 млн человек, то есть одна седьмая часть всего населения страны¹⁰. Из подвергшихся разрушению около 100 городов 72 не имели никаких военных объектов¹¹. Несмотря на огромные потери торгового флота, Япония еще располагала в августе 1945 г. транспортными средствами для морских перевозок с материка общим тоннажем (с учетом вновь введенных в эксплуатацию судов) более 1,8 млн брт. За семь месяцев этого года японский флот обеспечил доставку в метрополию 2,7 млн тонн различных грузов, главным образом угля, железной руды, стали и продовольствия¹².

Япония на рубеже 1944–1945 гг. еще имела достаточно мощную производственную базу и значительные стратегические запасы в метрополии, Корее и Маньчжурии, которые были сопоставимы не только с показателями 1937 г., но и 1941 г., когда была развязана Тихоокеанская война, что позволяло ей длительное время продолжать военные действия и поддерживать империю «на плаву». Общий индекс производства в 1944 г. составлял 144%, а в 1945-м — 57% от общего показателя 1937 г. В первой половине 1945 г. было добыто 23,3 млн тонн угля (в 1944 г. — 49,3 млн тонн), железной руды — 1174 тыс. тонн (в 1944 г. — 3504 тыс. тонн), произведено электроэнергии — 20,1 млрд кВт/ч (в 1944 г. — 32,2 млрд кВт/ч), выплавлено 2088 тыс. тонн стали (в 1944 г. — 5916 тыс. тонн), 8,7 тыс. тонн алюминия (в 1944 г. — 110,4 тыс. тонн), 40,2 тыс. тонн меди (в 1944 г. — 99,0 тыс. тонн), собрано 5,9 млн тонн риса (в 1944 г. — 8,8 млн тонн)¹³.

Военная промышленность Японии продолжала выпускать достаточное количество техники и оружия для ведения войны. Так, за первые семь месяцев 1945 г. было произведено 5 тыс. пистолетов-пулеметов (в 1944 г. — 3 тыс.), 40,3 тыс. пулеметов всех видов (в 1944 г. — 156,1 тыс.), 23,2 тыс. орудий всех видов и калибров (в 1944 г. — 84,4 тыс.), 0,3 тыс. минометов (в 1944 г. — 1,1 тыс.), 0,2 тыс. танков и САУ (в 1944 г. — 0,4 тыс.), 8,3 тыс. боевых самолетов (в 1944 г. — 26,2 тыс.), 43 боевых корабля основных классов (в 1944 г. — 68)¹⁴.

Американские десантные катера первой волны десанта приближаются к острову Иводзима

Американские морские пехотинцы высаживаются на Иводзиме

Американский офицер рассматривает японский каменный танк-муляж на острове Иводзима

Американский огнеметчик под прикрытием товарищей уничтожает японских солдат, засевших в доте

Американский флаг на горе Сурибати на Иводзиме

Таким образом, союзники не смогли уничтожить военно-экономический потенциал Японии. В этом можно убедиться, если проследить за изменениями в ходе войны показателей функционирования таких важных отраслей промышленности, как судостроение и самолетостроение. Годовая производительность японской судостроительной промышленности до начала войны на Тихом океане равнялась 600 тыс. тонн. В 1943 г. она возросла до 1120 тыс. тонн, а в 1944 г. не только не уменьшилась, но, наоборот, увеличилась до 1550 тыс. тонн¹⁵.

В американской историографии часто встречаются утверждения о том, что уже в 1944 г. американская авиация и особенно подводные лодки практически пресекли японские сообщения, уничтожив торговый флот Японии, что далеко не соответствует действительности. Если общий тоннаж торгового флота Японии в 1942 г. достигал 7 млн тонн, в 1944 г. — 5,5 млн, то в 1945-м — 3,5 млн тонн¹⁶.

В ходе войны союзники действительно нанесли тяжелые потери японскому судоходству. Однако весной 1945 г. Япония еще имела торговый флот, который составлял более половины того, с чем она вступила в Тихоокеанскую войну, а ее судостроительные возможности превышали предвоенный уровень почти в два раза. В Японии имелась мощная судоремонтная база, в том числе 63 сухих дока, способных ремонтировать суда водоизмещением до 20 тыс. тонн, а девять доков могли вмещать суда любого размера. Кроме того, было четыре плавучих сухих дока¹⁷.

В ходе Тихоокеанской войны 1941—1945 гг. Япония сохранила достаточно мощное авиационное производство. Выпуск самолетов стал заметно падать только в апреле — мае 1945 г., и тем не менее к августу 1945 г. он вдвое превышал количество выпускаемых самолетов на момент вступления Японии в войну¹⁸. Причем воспроизводство самолетов превышало их потери. Если к началу войны имелось 4,2 тыс. боевых самолетов, то к в 1945 г. их насчитывалось 15 845. За всю войну было произведено 62 754 боевых самолета, а их потери составили 51 109 машин¹⁹. Объективности ради следует признать, что союзникам удалось нанести японской авиации тяжелые потери. Достаточно сказать, что число самолетов, потерянных военно-морской авиацией, в 20 с лишним раз превышало ее численность к началу войны на Тихом океане.

Большой урон союзники нанесли военно-морскому флоту Японии. Всего в 1941—1945 гг. ВМС потеряли 334 кораблей, в том числе 11 линкоров, 26 авианосцев (в том числе пять эскортных), 40 крейсеров, 129 эскадренных миноносцев, 128 подводных лодок²⁰. По американским данным, только самолеты ВМС США потопили или вывели из строя 15 из 26 японских авианосцев, 6 из 11 линейных кораблей, 15 крейсеров и 45 эскадренных миноносцев²¹. И тем не менее Япония ко времени вступления в войну Советского Союза еще располагала флотом, способным решать важные задачи.

В январе 1945 г. в Японии был разработан «План увеличения боевой мощи в предстоящих решающих сражениях», предусматривавший выпуск в 1945 г. 40 тыс. самолетов, спуск на воду торговых судов водоизмещением 1,8 млн брт, выплавку 5 млн тонн стали, в то время как в 1944 г. было выпущено 28 180 самолетов, спущено на воду торговых судов водоизмещением 1,6 млн брт, выплавлено 2,6 млн тонн стали²².

Итак, несмотря на явно нереально составленный план военного производства, Япония все еще имела достаточно мощную экономическую базу, позволявшую военно-политическому руководству страны надеяться на то, что ему удастся склонить противника к принятию таких условий прекращения войны, которые позволяли империи «сохранить лицо». Подтверждением этому служило отклонение японским правительством требований потсдамского ультиматума союзников по антифашистской коалиции от 26 июля 1945 г. Вновь, как и в 1930-е, сделав упор на континентальную стратегию и ставя на многочисленные, еще не понесшие серьезных потерь сухопутные войска, японские правящие круги готовились защищать империю «до последнего солдата».

В 1944—1945 гг. в сухопутных войсках Японии произошло резкое увеличение по сравнению с предыдущими годами числа соединений: были сформированы 197 новых дивизий (из них в январе — июле 1945 г. — 63 дивизии), в том числе 87 пехотных, одна танковая, пять авиационных и четыре зенитные²³.

Существенную помощь армии был способен оказать и флот, который имел в своем составе около 600 боевых кораблей различных классов и до 1800 самолетов. Он опирался на широко развитую систему базирования и аэродромную сеть на побережье Японского моря, в пределах которого могли вести боевые действия морские силы противоборствовавших сторон. На р. Сунгари в Маньчжурии японцы имели военную флотилию, которая насчитывала до 30 боевых речных кораблей, 50 десантных мотоботов, 60 десантных моторных катеров и три полка морской пехоты²⁴.

В этих условиях планы принудить Японию к капитуляции действиями только флота и авиации, которых ранее придерживалось практически все политическое и военное руководство США, в том числе президент, были квалифицированы как «стратегия ограниченных целей», и им была отведена лишь вспомогательная роль.

Морская блокада и бомбардировки японских городов, предпринятые американцами, явно не давали скорого эффекта. Для доведения Японии до полного истощения требовались огромные силы, средства и длительное время. К тому же с началом массивных бомбардировок японцы стали рассредоточивать свою промышленность, строить подземные заводы, усиливать противовоздушную и береговую оборону. «Эта стратегия, — говорилось в документе Объединенный комитет начальников штабов (ОКНШ), — не дает гарантий в том, что она приведет к безоговорочной капитуляции или разгрому»²⁵.

В связи с этим командованием армии США был разработан свой «план разгрома» Японии. Его замысел состоял в том, чтобы:

а) овладев Окинавой, воспользоваться дополнительными возможностями усилить блокаду и бомбардировки Японии, чтобы создать положение, благоприятное для

б) вторжения на Кюсю с целью дальнейшего ослабления противника путем сковывания и уничтожения главных его сил, а также усиления блокады и воздушных бомбардировок; тем самым будут созданы оперативно-тактические условия для

в) решающего вторжения через Токийскую равнину в индустриальное сердце Японии»²⁶.

Исходя из этого замысла, ОКНШ 29 марта 1945 г. утвердил план под кодовым названием «Даунфол». Высадку американских войск на острова Японии предполагалось осуществить в два этапа: 1 ноября 1945 г. в южной части острова Кюсю (операция «Олимпик»), а 1 марта 1946 г. на острове Хонсю (операция «Коронет»).

По расчетам американского и английского командований, для вторжения на Японские острова требовалась семимиллионная армия. Однако к январю 1945 г., то есть накануне Крымской (Ялтинской) конференции лидеров «большой тройки», США и их союзники имели на всем театре войны с Японией лишь 2458 тыс. человек, 19 300 самолетов и 711 кораблей основных классов, и накопление сил и средств протекало крайне медленно. Так, на втором совещании военных делегаций на Крымской конференции (6 февраля) начальник штаба армии США генерал Дж. Маршалл заявил, что переброска американских войск из Европы начнется через неделю после окончания там войны, а главнокомандующий ВМС США адмирал Э. Кинг сообщил, что «никакого твердого плана» окончательного нападения на Японию не существует²⁷. Великобритания в июле 1945 г. заявляла о своей готовности послать для высадки на Японские острова «самое большее три дивизии и позже, возможно, еще две» и разместить на Окинаве в октябре 1945 г. две и в начале 1946 г. десять эскадрилий авиации. В противоположность этому, по оценке У. Черчилля, в метрополии находилась «хорошо обученная, хорошо вооруженная и исполненная фанатичной решимости драться до конца» японская армия, имевшая только на главном острове Хонсю более 1 млн человек регулярных войск, не считая многочисленного личного состава военно-морского флота²⁸. Всего же на Японских островах в последние дни войны дислоцировались 3,7 млн военнослужащих, в том числе 2,4 млн в армии и 1,3 млн на флоте. Окончание военных действий на островах собственно Японии планировалось, исходя из опыта (на овладение Филиппинскими островами, где оборону занимали лишь 250 тыс. японских военнослужащих, американцам потребовалось более восьми месяцев), в лучшем случае на конец 1946 г., а по более глубоким расчетам — на 1947 г.²⁹

Американский огнеметный танк в бою на острове Окинава

Американский морской пехотинец под огнем в «Долине смерти» на Окинаве

Бои на Окинаве

Позиция Китая по вопросам определения перспектив войны против Японии была аналогичной. Согласно меморандуму Чан Кайши, обсуждавшемуся 22 ноября 1943 г. на заседании смешанного американо-британского комитета начальников штабов (САБКНШ), лишь в ноябре 1944 г. — мае 1945 г. были возможны операции по освобождению Кантона и Гонконга; в мае — ноябре 1945 г. — бомбардировки Тайваня; в ноябре 1945 г. — наступление на Шанхай. Вторжение же на территорию собственно Японии считалось возможным только после 1947 г.³⁰

А по прогнозам многоопытного главнокомандующего вооруженными силами союзников на АТТВ американского генерала Д. Макартура, война, учитывая фанатизм японского солдата, могла продлиться еще 5–7 лет. Считалось, что при этом потери американских вооруженных сил составят более 1 млн, английских — свыше 0,5 млн, а японских — 10 млн человек³¹. Учитывая, что общие потери американцев уже насчитывали свыше 285 тыс. человек, из них около 99 880 погибшими³² (несмотря на довольно низкие цифры потерь по сравнению с другими ведущими союзниками, они были для США, не имевших общих границ с противниками и ведущих войну вне пределов своей основной территории, все же весьма чувствительными), военно-политическое руководство США не спешило с началом операции «Даунфол».

В войне на Тихом океане создавалась явно тупиковая ситуация, при которой ни та, ни другая стороны не находили, опираясь только на участвовавшие в то время в вооруженной борьбе силы, быстрого, не связанного с огромными потерями и эффективного решения, ведущего к окончанию военных действий. Именно поэтому военный министр США Г. Стимсон в меморандуме на имя президента Г. Трумэна от 2 июля 1945 г., содержащем тщательную оценку ситуации на тот период времени, предлагал изыскать способ принудить японские вооруженные силы к капитуляции, не прибегая к насильственной оккупации собственно Японии³³.

Однако, по мнению многих военных авторитетов союзников, заставить японцев капитулировать в короткий срок можно было только путем нанесения решительного поражения какой-либо наиболее крупной, сильной, стратегически важной группировке японских войск. Этим параметрам соответствовал маньчжуро-корейский район с его более чем миллионной группировкой войск, промышленной и сырьевой базой и крупными стратегическими запасами. Этот район играл роль связующего звена японской метрополии с континентом. Союзники хорошо понимали, что, потеряв этот важнейший стратегический район, Япония лишится большинства необходимых средств продолжения войны и неизбежно «запросит пощады». Решить эту задачу в короткий срок могли только советские войска, поэтому ряд видных военачальников союзников связывал свои планы с обязательным вступлением в войну против Японии Советского Союза³⁴. С другой стороны, руководители США и Великобритании хорошо понимали, что, «если бы Россия все еще оставалась нейтральной», то «огромная японская армия в Маньчжурии могла бы быть брошена на защиту самой Японии»³⁵.

Итак, стратегическая обстановка на Азиатско-Тихоокеанском театре войны к августу 1945 г. сложилась благоприятно для воевавших против Японии государств, однако без вступления Советского Союза в военные действия рассчитывать на быстрое завершение разгрома противника не приходилось. Будучи не в состоянии в короткий срок и без огромных потерь разгромить противника собственными силами и заставить японцев капитулировать, США и Англия в феврале 1945 г. в очередной раз обратились к Советскому Союзу с предложением выступить против Японии.

Вообще, союзники с первых дней Тихоокеанской войны высказывались за вступление СССР в военные действия против японского агрессора. В декабре 1941 г. У. Черчилль в памятной записке своим начальникам штабов писал: «Всех привлекает проблема создания авиабаз в Китае или в России, с которых можно было бы совершать налеты на японские города. Весьма желательно поэтому, чтобы Россия вступила в войну против Японии»³⁶. Государственный секретарь США К. Хелл 8 декабря 1941 г. уже в первой беседе с новым

послом СССР в Вашингтоне М. М. Литвиновым поднят вопрос о предоставлении Соединенным Штатам баз на советском тихоокеанском побережье. Отвечая на этот вопрос на их следующей встрече 11 декабря 1941 г., Литвинов сообщил госсекретарю мнение советского правительства о том, что в период, когда Советский Союз ведет тяжелые бои против гитлеровской Германии, рискованно предпринимать такой шаг, так как Япония может атаковать СССР, и поэтому он пока не готов сотрудничать с союзниками в войне с Японией. В августе 1942 г., во время визита в советскую столицу У. Черчилля, эта тема опять была поднята послом США в Москве А. Гарриманом в беседе с И. В. Сталиным. Сталин сказал Гарриману, что Япония исторически является русским противником, и ее окончательное поражение имеет существенное значение для Советского Союза. Он предположил, что, хотя обстоятельства не благоприятствуют советскому участию в войне на Дальнем Востоке, СССР в свое время несомненно вступит в нее³⁷.

После коренного перелома в войне против европейских участников фашистско-милитаристской оси давление на Москву по этому вопросу усилилось. В августе 1943 г., когда Германия потерпела сокрушительное поражение в битве под Курском, американские начальники штабов высказали мнение, что, «имея Россию в качестве союзника на Дальнем Востоке, эту войну можно завершить в более короткий срок и с меньшими потерями в людях и средствах, чем без участия России»³⁸.

Военно-политическое руководство США и Великобритании указывало в своих решениях, что после разгрома стран оси в Европе оно во взаимодействии с руководителями других государств Тихоокеанского бассейна и, если это будет возможно, с Россией направит все ресурсы на достижение в минимально короткий срок безоговорочной капитуляции Японии³⁹. Этим же задачам были призваны служить тегеранские договоренности руководителей трех великих держав о вступлении Советского Союза в войну против Японии вскоре после разгрома гитлеровской Германии, что было, как отмечалось выше, «одной из главных целей» американской делегации на конференции в Тегеране (28 ноября — 1 декабря 1943 г.)⁴⁰. Попытки спровоцировать войну между СССР и Японией усиленно предпринимались также и со стороны китайского правительства⁴¹.

Советский Союз, верный пакту о нейтралитете с Японией от 13 апреля 1941 г. и вынужденный все силы бросить на борьбу с гитлеровской агрессией, по понятным причинам не мог с началом войны на Тихом океане пойти навстречу многочисленным предложениям союзников о прямом выступлении против дальневосточного агрессора. С 22 июня 1941 г. до 6 июня 1944 г., то есть до открытия второго фронта, Советский Союз, по сути, один на один вел тяжелейшую борьбу с войсками главной группировки фашистского блока в Европе. Поэтому, неся основную тяжесть войны, СССР не мог одновременно пойти на открытие своего «второго фронта» — вступить в вооруженную борьбу против Японии, хотя поводов для этого последняя создавала множество. Однако фактор присутствия крупного контингента советских войск на Дальнем Востоке⁴² и успехов Советского Союза в войне с Германией продолжал оказывать существенное влияние на политику и военную стратегию Японии и, соответственно, на положение союзников на всем протяжении борьбы против нее вплоть до 8 августа 1945 г., когда Советский Союз объявил о своем вступлении в войну.

Такая позиция советского руководства находила понимание у президента США Ф. Рузвельта, заявлявшего о том, что поражение Гитлера «является наилучшим и наиболее верным путем обеспечения поражения Японии»⁴³. Неслучайно и У. Черчилль не считал возможным «особенно сильно нажимать на русских в этом вопросе»⁴⁴ до разгрома Германии.

Вступление СССР в войну с Японией рассматривалось советским руководством как мера, направленная на выполнение союзнического долга. Когда А. Гарриман информировал И. В. Сталина об итогах квебекской встречи руководителей США и Англии, советский руководитель обратил внимание посла на то, что тот ни словом не коснулся вопроса об участии Советского Союза в войне против Японии. В этой связи Сталин спросил Гарримана, считает ли президент США существенным, чтобы СССР присоединился к войне против Японии. Он выразил удивление, что после заверений, данных им Ф. Рузвельту в Тегеране

Японские пленные, захваченные на Окинаве

и таких долгожданных для союзников, при военном планировании они не принимают во внимание советское участие. Сталин добавил, что в позиции Советского Союза по этому вопросу изменений нет, но если США и Великобритания предпочитают поставить Японию на колени без советского участия, то он готов с этим согласиться⁴⁵.

О возможности войны Советского Союза против Японии начальник Генерального штаба Маршал Советского Союза А. М. Василевский, по его собственному признанию, впервые узнал в конце 1943 г., когда советская делегация во главе с И. В. Сталиным возвратилась с Тегеранской конференции, на которой союзники впервые при непосредственной встрече с советским лидером поставили перед ним вопрос о выступлении СССР против Японии. Советская делегация «дала союзникам принципиальное согласие помочь в войне против Японии»⁴⁶. Однако только на исходе сентября 1944 г. И. В. Сталин в разговоре с А. М. Василевским дал Генеральному штабу устное поручение подготовить расчеты по сосредоточению и материальному обеспечению войск на Дальнем Востоке. «Скоро, видимо, потребуется», — заключил разговор Верховный главнокомандующий⁴⁷. «Тогда же, — вспоминал А. М. Василевский, — прикинули размеры необходимых материальных ресурсов. Но до Ялтинской конференции никакой детализации плана войны против империалистической Японии не производилось»⁴⁸. На Ялтинской конференции руководителей СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.) мнение союзников было по-прежнему единодушным: при всем нежелании роста популярности СССР в Азии американская делегация, писал Э. Стеттиниус, хотела прежде всего вступления Советского Союза в войну против Японии⁴⁹. Подчеркивая важность участия СССР в этой войне, начальник штаба армии США генерал Дж. Маршалл в то время отмечал, что именно это участие может оказаться той решающей акцией, которая вынудит Японию капитулировать⁵⁰. Специальное соглашение, подписанное на Крымской конференции руководителями делегаций 11 февраля, предусматривало вступление Советского Союза в войну против Японии через два-три месяца после капитуляции Германии⁵¹.

Ко времени встречи в Ялте состояние отношений СССР с США и Великобританией в целом улучшилось, военные действия трех союзных держав после открытия второго фронта стали более согласованными. Но сближение восточного и западного фронтов войны с Германией требовало еще большей степени координации в военной области. Возросла потребность в договоренностях и по ряду острых вопросов мировой и европейской политики, а также по вопросам Дальнего Востока. Поэтому правительства трех союзных стран напряженно готовились к конференции.

Хотя повестка дня переговоров строго не фиксировалась, пожелания сторон, их позиции по многим пунктам стали известны заранее. В беседе с И. В. Сталиным в Кремле 14 декабря 1944 г. посол США в СССР А. Гарриман дал ясно понять, что Ф. Рузвельт заинтересован рассмотреть с маршалом в первую очередь вопросы, относившиеся к Дальнему Востоку и к созданию международной организации безопасности. Принятый В. М. Молотовым 20 января 1945 г. американский посол был более конкретен, перечислив в списке желательных для обсуждения тем следующие: обращение с Германией; международная организация безопасности; Польша; политические и военные аспекты войны в Европе и на Тихом океане⁵².

Военное сотрудничество с СССР, как отметил американский историк профессор М. Столер, оставалось в феврале 1945 г. необходимым для достижения полной победы, особенно в свете событий в Арденнах и ввода в боевые действия последних американских резервов, а также положения на Тихоокеанском ТВД, где американцы встретили ожесточенное сопротивление японцев⁵³.

Перечень тем, которые начальники штабов США предлагали рассмотреть на конференции, был передан Генеральному штабу Красной армии. Конкретно намечалось затронуть ряд вопросов, относящихся к войне с Германией и Японией. Что касается Дальнего Востока, то американцы хотели остановиться на двух вопросах: дислокация японцев, возможности и намерения на Дальнем Востоке (обсуждение и обмен информацией); участие русских в войне против Японии. Эта повестка дня была представлена одновременно и начальникам штабов Великобритании⁵⁴.

С военных вопросов и началось 4 февраля первое пленарное заседание в Ливадии, которое открыл американский президент. Казалось бы, на конференции в Крыму вопросам перспектив вооруженной борьбы на Азиатско-Тихоокеанском театре войны было уделено незначительное внимание. Гораздо острее стояли проблемы завершения разгрома Германии и ее сателлитов в Европе, а также осуществления сложнейшего, учитывая разность интересов каждого из союзников и народов — жертв агрессии, процесса политического и территориального переустройства этой части земного шара и всего послевоенного миропорядка.

Однако весьма важной задачей для участников переговоров, в первую очередь США, была выработка стратегии завершения борьбы с японским агрессором. 2 февраля по итогам трехдневных заседаний членов смешанного американо-британского комитета начальников штабов операции «будущей кампании в Юго-Восточной Азии и в районе Тихого океана», по свидетельству У. Черчилля, были наряду с другими операциями рассмотрены руководителями США и Великобритании на Мальте, где они остановились по пути в Крым. «По всем военным вопросам, — отметил британский премьер, — была достигнута значительная степень согласия, и переговоры оказались полезными», поскольку удалось ознакомиться со взглядами друг друга, «прежде чем начать переговоры со своими русскими коллегами»⁵⁵.

Следует отметить, что британскую делегацию вопросы войны на Тихом океане волновали гораздо меньше, чем американскую. «Дальний Восток не играл никакой роли в наших официальных переговорах в Ялте», — отмечал У. Черчилль в своих мемуарах⁵⁶. Однако он понимал трудности США в Тихоокеанской войне и не меньше Ф. Рузвельта осознавал необходимость подключения к ней России.

Советскому Союзу, у которого, по справедливой оценке У. Черчилля, на его «колоссальном фронте» в период проведения Ялтинской конференции шли «самые ожесточенные бои»⁵⁷ и которому вскоре предстояло вступить в последнюю, наиболее опасную и кровопролитную схватку с тяжелораненым нацистским зверем в его логове, было непросто решиться (гораздо сложнее, чем это было в Тегеране) на то, чтобы дать окончательное добро на свое вступление в войну против Японии. Было очевидно, что кампания на Востоке ляжет на плечи советского народа дополнительным бременем. И. В. Сталин, безусловно, понимал, что кроме экономических и чисто технических проблем переброски огромного количества личного состава, военной техники и средств снабжения войск на далеко отстоявший театр военных действий на Дальнем Востоке перед ним стояла проблема морально-политического и чисто психологического свойства: добиться от пострадавшего за долгие четыре года от тягот жестокой войны народа поддержки вступления страны в новую войну. Без этого трудно было рассчитывать на решительную победу.

Вступая в войну против Японии, Советский Союз, конечно же, имел на то веские причины. Пока на Дальнем Востоке продолжал существовать очаг агрессии, Советский Союз не мог считать свою безопасность полностью обеспеченной. Вступление СССР в войну подготавливалось самой японской политикой, в течение многих лет осуществлявшей агрессивные антироссийские и антисоветские военные вылазки и провокации. Достаточно вспомнить войну, развязанную Японией против России в 1904 г., повлекшую за собой утрату части исконно российских территорий; участие японских войск в интервенции на Дальнем Востоке в первые годы советской власти; крупные вооруженные акции у озера Хасан (1938) и в районе монгольской пограничной р. Халхин-Гол (1939); тщательно готовившееся, как это показывали на допросах пленные японские генералы⁵⁸, вплоть до конца 1943 г. японское вторжение на территорию советского Дальнего Востока, преследующее захват огромного пространства до меридиана сибирского г. Омска, что составило бы более 2/3 общей площади Советского Союза. Постоянно нарушался заключенный 13 апреля 1941 г. советско-японский Пакт о нейтралитете, который, по признанию министра иностранных дел Японии тех лет Ё. Мацуоки, был нужен лишь для прикрытия военных приготовлений против СССР. За четыре года со времени его подписания части и подразделения Квантунской группировки войск 779 раз нарушали сухопутную границу, а самолеты военно-воздушных сил Японии 433 раза вторгались в воздушное пространство СССР. Японские военные корабли около 180 раз

останавливали (нередко с применением оружия) и досматривали советские торговые и рыболовные суда, уводили некоторые из них в свои порты, а по крайней мере восемь потопили. Общие убытки советского судоходства в 1941–1944 гг. в результате провокационных действий японских ВМС составили в ценах тех лет 637 млн рублей⁵⁹. Тем самым грубо нарушалась 1-я статья Пакта о нейтралитете, которая гласила: «Обе Договаривающиеся Стороны обязуются поддерживать мирные и дружественные отношения между собой и взаимно уважать территориальную целостность и неприкосновенность другой Договаривающейся Стороны». Япония в течение всей войны продолжала оказывать политическую и экономическую помощь гитлеровской Германии в войне против Советского Союза, поставляла ей разведывательную информацию, снабжала стратегическим сырьем⁶⁰. И наконец, у советских дальневосточных границ все еще стояла, как уже отмечалось, крупная стратегическая группировка отборных японских войск, которую в течение многих лет усиленно натаскивали для выполнения главной задачи — нападения на СССР.

Таким образом, не по собственной воле Советский Союз на протяжении всей войны против нацистской Германии был вынужден держать у своих границ на Дальнем Востоке значительные вооруженные силы: от 30 до 59 расчетных дивизий сухопутных войск, от 10 до 29 авиационных дивизий и до шести дивизий и четыре бригады Войск ПВО общей численностью свыше 1 млн солдат и офицеров, 8–16 тыс. орудий и минометов, свыше 2 тыс. танков и САУ, от 3 до 4 тыс. боевых самолетов и более 100 боевых кораблей основных классов. В общей сложности все это составляло в разные периоды войны от 15 до 30% состава боевых сил и средств Вооруженных сил СССР⁶¹. Очевидно, что, отвлекая столь значительную часть советских войск от фронта военных действий против Германии, особенно в наиболее тяжелые периоды войны, Япония оказывала активную и существенную помощь своему гитлеровскому партнеру. Несомненно, имея возможность использовать войска и силы флота, вынужденно размещенные на Дальнем Востоке, на советско-германском фронте СССР мог бы с гораздо меньшими потерями и в еще более короткие сроки разгромить вермахт и вооруженные силы союзников Германии.

С другой стороны, ведя войну против основных сил фашистско-милитаристского блока в Европе, оттягивая на себя миллионную группировку японских войск, препятствуя свободному использованию их против Китая, США, Великобритании и других союзников, СССР существенно облегал их участь, обеспечивал им возможность оправиться от первых потрясений, восстановить за счет мобилизации экономики понесенные потери в кораблях и самолетах, сохранять статус-кво на сухопутном театре военных действий в Азии, создать ударные группировки и подготовиться к широким наступательным действиям в акватории Тихого океана.

Все это позволяло Советскому Союзу не только выставить в случае войны с Японией определенные претензии к ней, но и надеяться на понимание и приятие их со стороны союзников. Поэтому в ответ на новые предложения о подключении СССР к войне на Тихом океане И. В. Сталин в беседе с послом США в Москве А. Гарриманом 15 октября 1944 г. сделал ему (кстати, по инициативе посла) некоторые конкретные предложения относительно послевоенных претензий России в этом районе⁶². По словам американского посла, Сталин «сказал, что положение России на Востоке должно быть в целом восстановлено так, как оно существовало до Русско-японской войны 1905 г. Южная часть Сахалина должна быть возвращена русским, так же как Курильские острова, для того чтобы защитить советское побережье со стороны Тихого океана. Русские желали вновь арендовать порты Дайрен и Порт-Артур и получить в аренду железную дорогу в Маньчжурии, построенную русскими по контракту с Китаем, особенно КВЖД, которая была прямой линией от Транссибирской магистрали до Владивостока, и Южно-Маньчжурскую железную дорогу, обеспечивающую связь с Дайреном. Сталин указал, что Советский Союз не намеревается посягать на суверенитет Китая над Маньчжурией. В добавление он запросил признания status quo Внешней Монголии». «Я немедленно направил президенту Рузвельту предложения Сталина, — писал Гарриман, — и они стали основой для дискуссии в Ялте»⁶³.

Горящая японская летающая лодка, сбита американскими истребителями

Оперативное авианосное соединение ВМФ США

Как свидетельствует американский историк Л. Роуз, Рузвельт, узнав «об азиатских требованиях Сталина», был поражен их скромностью, так как они касались лишь восстановления территориальных прав, отобранных у России Японией во время войны 1904–1905 гг.⁶⁴ Но американцы хотели получить информацию о дислокации советских войск на Дальнем Востоке и об их конкретных операциях против Японии после завершения войны в Европе⁶⁵. Во время пребывания британского премьер-министра в советской столице И. В. Сталин 15 октября 1944 г. затронул эту тему в разговоре с А. Гарриманом, А. Иденом, другими дипломатами и военными. Глава советского правительства заявил, что через три месяца после поражения Германии СССР выступит против Японии, если США окажут ему помощь в создании необходимых материальных запасов и если будут прояснены политические аспекты участия СССР в войне на Дальнем Востоке⁶⁶. Тогда же на переговорах с американцами он согласился приступить к совместному с США планированию действий против Японии и представил список советских заявок на американские поставки, которые легли в основу программы под кодовым наименованием «Майлпост», предусматривавшей создание с помощью США запасов в Сибири для использования их в войне против Японии⁶⁷.

23 января, накануне встречи в Крыму, ОКНШ США в памятной записке, адресованной президенту, утверждал: «Вступление России в войну в возможно близкие сроки, связанное с ее способностью вести наступательные операции, необходимо для обеспечения максимальной помощи нашим операциям на Тихом океане». В качестве целей военного участия России ОКНШ определил следующие: нанесение поражения японским силам в Маньчжурии; воздушные операции против Японских островов совместно с американской авиацией, базирующейся в Восточной Сибири; максимальные усилия по нарушению морских коммуникаций между Японией и Азиатским субматериком. Быстрое и крупномасштабное выступление СССР против Японии требовалось, чтобы возможно скорее закончить войну и предотвратить еще большие потери США в живой силе. Рузвельт согласился с доводами генерала Дж. Маршалла на этот счет⁶⁸.

В Ялте, в Ливадийском дворце, вопросы Дальнего Востока обсуждались И. В. Сталиным и Ф. Рузвельтом 8 февраля. Сталин подтвердил согласие СССР вступить в войну против Японии, но просил президента заострить внимание на политических условиях советского участия. Рузвельт, заранее с ними ознакомленный, высказывался, в частности, за передачу Советскому Союзу южной части Сахалина и Курильских островов. Президент сослался также на переговоры в Тегеране, где он предложил дать СССР возможность использовать Дайрен — теплый порт, расположенный в конце Южно-Маньчжурской железной дороги⁶⁹.

Окончательный текст соглашения по Дальнему Востоку, в котором по настоянию Сталина фиксировались политические условия участия СССР в войне на Дальнем Востоке, был согласован 10 февраля Сталиным, Молотовым, Рузвельтом и Гарриманом. В ответ на согласие России вступить в войну против Японии через два-три месяца после капитуляции Германии США обязались поддержать требования, выдвинутые советской стороной. 10 февраля в ходе конфиденциальной беседы с И. В. Сталиным У. Черчилль также заявил, что будет «приветствовать появление русских кораблей в Тихом океане», и высказался за то, чтобы «потери, понесенные Россией во время русско-японской войны, были восполнены»⁷⁰. 11 февраля главами правительств СССР, США и Великобритании было подписано в связи с этим специальное соглашение, которое оставалось строго конфиденциальным вплоть до 5 июля, когда У. Черчилль решил проинформировать премьер-министров британских доминионов о предстоящем вступлении Советского Союза в войну.

У. Черчилль не принимал участия в советско-американских переговорах по Дальнему Востоку, но поставил свою подпись под соглашением, сознавая, что помощь СССР сократит тяжелые потери не только американцев, но и англичан, которым в ином случае также предстояла бы (хотя в значительно меньших масштабах) борьба по завершению разгрома японского агрессора. При этом принимался в расчет тот факт, отмечал Черчилль, что атомная бомба еще не прошла испытания, что большая японская армия в Маньчжурии могла бы быть брошена на защиту Японских островов в случае, если бы Россия оставалась нейтральной.

Черчилль расписался под соглашением и по той причине, что отказ сделать это мог повлечь за собой утрату всякого влияния Британии на дела Дальнего Востока⁷¹.

Ялтинское соглашение от 11 февраля 1945 г. отвечало жизненным интересам безопасности СССР, быстрейшей ликвидации очага милитаризма на Дальнем Востоке, а в конечном счете — сокращению сроков Второй мировой войны.

История подтвердила мудрость решений, принятых руководителями трех великих держав в Крыму. «Ялта стала, — заявил Э. Стеттиниус в начале апреля 1945 г., — высшей академией дипломатии и продемонстрировала нам лучшие образцы разумных компромиссов по самым трудным проблемам»⁷². Некоторые сомнения по поводу необходимости продолжения союзнических отношений с СССР высказал 23 апреля, через 11 дней после вступления в президентство вместо умершего 12 апреля Ф. Рузвельта, лишь Г. Трумэн. Однако военным руководителям США удалось убедить нового президента в том, что сотрудничество с Советским Союзом необходимо сохранить по крайней мере до капитуляции Токио⁷³.

Министерство обороны США было уверено в правильности решения, принятого в Крыму. 21 мая 1945 г. военный министр Г. Стимсон писал исполняющему обязанности госсекретаря США Дж. Грю: «Вступление России (в войну против Японии. — *Прим. ред.*) будет иметь далеко идущий военный эффект, который почти определенно приведет к сокращению сроков войны и тем самым спасет американские жизни»⁷⁴. На заседании ОКНШ 18 июня 1945 г., посвященном выработке стратегии войны против Японии на завершающем этапе, было принято решение приветствовать вступление СССР в эту войну⁷⁵.

В ходе работы Берлинской (Потсдамской) конференции руководителей союзных держав (17 июля — 2 августа 1945 г.) мнение американской стороны не изменилось. С учетом прочности позиций Японии на континенте Объединенный комитет начальников штабов США считал необходимым, чтобы «изгнанием японской армии с материка занялись русские»⁷⁶. Генерал Д. Макартур был убежден, что американские войска «не должны высаживаться на острова собственно Японии, пока русская армия не начнет военные действия в Маньчжурии»⁷⁷. Касаясь задач, которые Г. Трумэн ставил перед собой на конференции, помощник госсекретаря США Ч. Болен отмечал: «Больше всего он хотел бы удостовериться, что Кремль будет соблюдать соглашение о вступлении в войну против Японии»⁷⁸. В США не без оснований опасались, что иначе война может затянуться надолго и потребовать больших жертв и усилий, тогда как вступление СССР в войну против Японии в корне меняло соотношение сил в Восточной и Юго-Восточной Азии в пользу союзных держав. Советская делегация хорошо понимала это и подтвердила в Потсдаме, что СССР выполнит положения заключенного в Ялте соглашения и вступит в войну против Японии в согласованные сроки.

Встретившись 17 июля с Г. Трумэном перед открытием первого пленарного заседания, И. В. Сталин по собственной инициативе начал разговор на тему об участии СССР в войне против Японии, а в ответ на замечание президента, что «США ожидают помощь от Советского Союза», заявил: СССР сдержит свое слово и будет готов вступить в действие к середине августа⁷⁹.

Следует отметить, что ко времени переговоров в Потсдаме, особенно после успешного испытания 16 июля в Аламогордо (штат Нью-Мехико) американской атомной бомбы, некоторые деятели США (например, занявший в июле 1945 г. пост госсекретаря США Дж. Бирнс и адмирал Э. Кинг)⁸⁰ изменили свою позицию в отношении Советского Союза и выразили желание закончить войну на Дальнем Востоке без помощи СССР. Письмо Трумэна, отправленное в их адрес 18 июля из Берлина, опровергает, однако, утверждения некоторых исследователей о том, что в официальном Вашингтоне не видели более необходимости в участии в войне советского союзника. «Я получил без напряжения то, ради чего сюда прибыл, — Сталин вступит в войну... — писал президент. — Теперь можно сказать, что мы закончим войну на год раньше, и я думаю о тех парнях, которые не будут убиты»⁸¹.

На переговорах военных руководителей в Потсдаме были подробно обсуждены практические вопросы, связанные с участием СССР в войне на Дальнем Востоке. На заседании начальников штабов трех держав генерал армии А. И. Антонов сообщил, что советские войска

концентрируются на Дальнем Востоке, СССР вступит в войну против Японии в августе, и Советская армия будет воевать против 50 японских и маньчжурских дивизий⁸².

В ходе подготовки к боевым действиям большое внимание уделялось планированию и координации при проведении союзниками операций, особенно на море. В соответствии с решениями Ялтинской конференции определялись и уточнялись зоны совместных и отдельных действий союзных вооруженных сил. Формы и методы военно-политического сотрудничества союзников, которые существовали при разгроме гитлеровской Германии, почти полностью сохранились и в период войны с Японией. Накопленный опыт работы генеральных штабов и командующих фронтами в ходе военных действий в Европе положительно сказался при координации действий сторон и организации оперативного взаимодействия как на континенте, так и при ведении морских операций и высадке десантов союзников в кампании 1945 г. на Дальнем Востоке.

Военное командование СССР конструктивно подходило к рассмотрению проблем, возникавших у американского военно-политического руководства, и предлагало свои пути их решения. Так, в ответе советского командования от 26 июля 1945 г. на вопросы, которые были вручены председателем ОКНШ адмиралом У. Леги генералу А. И. Антонову на совещании военных представителей в Берлине 24 июля, было заявлено:

«По первому вопросу — советское командование согласно установить в Петропавловске и Хабаровске радиостанции для передачи сведений о погоде, согласно просьбе, изложенной в письме президента Трумэна, переданном 23 июля 1945 г.; по второму вопросу — в Японском море иметь отдельные зоны действий ВМС и авиации США и Советского Союза. Границу между этими зонами иметь по линии: мыс Болтина на побережье Кореи, мыс Крильон на южной оконечности Южного Сахалина и до мыса Сойя-Мисаки на сев[ерной] оконечности о. Хоккайдо (были определены точки границы и их географические координаты. — *Прим. ред.*). К северу от этой границы действуют Военно-Морской Флот и авиация Советского Союза. К югу от этой границы — военно-морской флот и авиация США.

В зависимости от обстановки в последующем эта граница может быть подвергнута изменениям.

Операции военно-морского флота и авиации США к северу от границы и операции ВМФ и авиации Советского Союза к югу от этой границы должны подлежать координации... (Далее давались предложения по определению зон совместных действий в Охотском и Беринговом морях и по порядку взаимодействия в ходе операции. — *Прим. ред.*); по третьему вопросу — в Корее и Маньчжурии границы между зонами действий авиации США и Советского Союза иметь по следующей линии: мыс Болтина, Чанчунь, Ляоюань, Кайлу, Чифын, Бейпин, Дагу и далее по южной границе Внутренней Монголии.

Авиация США действует к югу от этой линии, включая все перечисленные пункты. Авиация Советского Союза действует к северу от этой линии.

В зависимости от обстановки в последующем эта линия может быть подвергнута изменениям. Операции авиации США к северу от этой линии и операции авиации Советского Союза к югу от этой линии должны подлежать координации; по четвертому вопросу — советское командование с началом военных действий Советского Союза против Японии устанавливает местную взаимную связь между американским и советским командующими на Дальнем Востоке.

Для осуществления этой связи предлагается иметь советские группы связи при генерале Макартуре и при адмирале Нимице, кроме того, в Вашингтоне — советскую военную миссию. Американские группы связи иметь при советском Главнокомандующем на Дальнем Востоке Маршале Советского Союза Василевском — в Хабаровске и при командующем советским Тихоокеанским флотом адмирале Юмашеве — во Владивостоке; по пятому вопросу — советское командование выделяет порты и аэродромы для кораблей и самолетов, нуждающихся в технической помощи и обеспечивает по мере возможности техническую и медицинскую помощь личному составу указанных кораблей и самолетов.

Для этих целей выделяются:

а) военно-морские порты в Японском море — порт Находка (залив Америка).
В районе Охотского и Берингова морей — Николаевск-на-Амуре и Петропавловск-на-Камчатке;

б) аэродромы — в районе Владивостока, в районе Александровска, на острове Сахалин и в районе Петропавловска-на-Камчатке⁸³.

Американская сторона приняла все предложения СССР.

8 августа 1945 г. Советский Союз присоединился к Потсдамской декларации и объявил Японии войну, что, безусловно, было выгодно США, Англии, Китаю и другим странам, вовлекая против Японии. Объективно это было и в интересах японского народа, в интересах скорейшего окончания Второй мировой войны, уменьшения числа жертв и достижения долгожданного мира. Военно-политическая обстановка, сложившаяся на Дальнем Востоке к августу 1945 г., не только требовала вступления СССР в эту войну, но и была достаточно благоприятной для усиления его позиций в Азиатско-Тихоокеанском регионе, укрепления его безопасности.

Япония: тотальная мобилизация империи для войны до победного конца

В 1944 г. положение милитаристской Японии в войне серьезно осложнилось: ее войска были выбиты со многих островов в Тихом океане, англо-американские войска продолжали теснить японцев и в Юго-Восточной Азии. Меньшую тревогу вызывало положение в Китае, где удавалось удерживать захваченные территории и провести операцию по поддержанию японских коммуникаций между китайским фронтом и Индокитаем.

Не помышляя уже о каких-либо крупных наступательных операциях, правительство и командование вооруженных сил Японии приняли решение о переходе к стратегической обороне, делая ставку на затягивание войны. При этом они рассчитывали стабилизировать фронты, выиграть время для пополнения военно-экономического потенциала, а также по возможности дипломатическими маневрами нарушить союзническую коалицию США, Великобритании и СССР.

Для поддержания боеспособности сухопутных сил и военно-морского флота, снабжения их боевой техникой и вооружением были проведены мероприятия по тотальной мобилизации людских и материальных ресурсов, эксплуатации колоний и захваченных стран.

Наметившаяся уже во второй половине 1943 г. перспектива поражения в войне побуждала японское руководство предпринимать все более жесткие меры по усилению государственного контроля над экономикой, полному подчинению всех ее отраслей интересам вооруженных сил. 30 сентября 1943 г. на очередном императорском совещании была поставлена задача «срочно усилить военное могущество для решительной победы»⁸⁴, в связи с чем создано наделенное большими правами министерство вооружений. Оно стало фактически «правительством в правительстве».

Страна превращалась в «единый трудовой лагерь», в котором утверждалась жесткая военная дисциплина. Для облегчения эксплуатации и укрепления дисциплины на производстве была введена система «бутай сосики» — «отрядная организация»: 5–10 рабочих объединялись в отряды низшего звена, вводились знаки различия командиров, отдание чести и другие армейские порядки. Принятой в январе 1944 г. «Программой чрезвычайных мероприятий по трудовой мобилизации населения» рабочие закреплялись за теми предприятиями, на которых работали. Производящие вооружение заводы функционировали круглосуточно. Отменялось трудовое законодательство. Продолжительность рабочего дня составляла 12–13 часов, однако эти нормативы часто превышались. Трудовая повинность была возложена на мужчин и женщин с 12 до 70 лет. Рабочие жили в общежитиях казарменного типа под контролем жандармов и полицейских, при этом над ними постоянно висела угроза наказания и лишения пайка⁸⁵.

Японские летчики принимают новые истребители

Японский истребитель на старте

Но чрезвычайные меры уже не могли предотвратить начавшийся кризис в экономике, проявившийся в сокращении практически всей номенклатуры промышленной продукции. В 1944 г. впервые за годы войны сокращение производства отмечалось в важнейших отраслях промышленности — добывающей, металлургической и машиностроительной. Падение производства происходило главным образом вследствие уменьшения поставок из-за рубежа сырья и топлива. Резкое сокращение в результате потоплений тоннажа торгового флота Японии не позволяло доставлять в метрополию уже добытое сырье. В 1943 г. его было ввезено 16,4 млн тонн, а в 1944 г. — только 10,1 млн тонн. Импорт угля снизился с 5,2 млн до 2,6 млн тонн, железной руды — с 4,3 млн до 2,2 млн тонн, бокситов — с 0,9 млн до 0,4 млн тонн. Особенно острой проблемой стала нехватка нефти и нефтепродуктов: поставки импортной нефти сократились с 1,9 млн тонн в 1943 г. до 0,9 млн тонн в 1944 г.⁸⁶ Если в 1940 г. от собственной добычи и ввоза в страну Япония получила 24 113 тыс. баррелей нефти, а в 1943 г. — 11 662 тыс., то в 1944 г. — лишь 3226 тыс. баррелей. При этом общие запасы сырой нефти и нефтепродуктов оценивались по годам следующими цифрами: 1940 г. — 49 581 тыс. баррелей, 1943 г. — 25 327 тыс., 1944 г. — 13 816 тыс.⁸⁷ Дальнейшие потери источников нефти за рубежом грозили в прямом смысле парализовать японскую военную машину.

Вынужденный отход японских войск из ранее захваченных районов Юго-Восточной Азии привел к значительному сокращению ввозимого в метрополию продовольствия. Так, в 1944 г. Япония произвела и ввезла в страну лишь 9 млн тонн риса — на 1,1 млн тонн меньше, чем в предыдущем году. Это создавало проблемы в снабжении продовольствием не только населения, но и армии.

Продолжавшееся до лета — осени 1944 г. увеличение производства вооружения для армии, авиации и флота во второй половине года стало снижаться. Однако находившегося в войсках и на флоте и производимого вооружения было достаточно для продолжения военных действий на Тихоокеанском театре военных действий, а также в Китае. Значительные арсеналы оружия и склады боеприпасов и горючего находились и у границ Советского Союза — в Маньчжурии и Корее.

Хотя во второй половине 1944 г. японская экономика характеризовалась значительным снижением уровня производства, военно-экономический потенциал страны оставался еще довольно значительным. Достаточно указать, что за первое полугодие 1945 г. на японских заводах было, по различным данным, произведено от 9 до 11,7 тыс. самолетов. Даже накануне капитуляции в июле 1945 г. было выпущено более 1 тыс. самолетов⁸⁸.

Поражения в военных действиях пытались компенсировать увеличением численности вооруженных сил. В результате массового использования женского и детского труда в промышленности и сельском хозяйстве, а также рабского труда вывезенных в метрополию корейских и китайских рабочих стало возможным высвободить для мобилизации в 1944—1945 гг. дополнительные контингенты и довести состав вооруженных сил до 7,2 млн человек. В частности, в период с 1942 по 1945 г. на работах в рудниках в каторжных условиях трудились 120 тыс. насильственно вывезенных в Японию корейцев⁸⁹.

Увеличение численности вооруженных сил потребовало выделения дополнительных финансовых средств. В 1944/45 финансовом году расходы на войну по сравнению с предыдущим годом резко возросли — с 30,8 млрд до 75 млрд иен, то есть в 2,5 раза⁹⁰. Это вызвало резкий скачок инфляции, усугубив и без того огромный дефицит платежного баланса страны. Японская валюта стремительно обесценивалась, приближая скорый крах всей финансово-экономической системы страны. Содержание армии и флота и поддержание на максимально возможном уровне военного производства разоряло государство.

Осуществление чрезвычайных мер по мобилизации страны для ведения тотальной войны вело к уменьшению до минимума производства в мирных отраслях экономики, и как следствие — обнищанию населения страны. На военные нужды направлялись практически все государственные средства. Военные расходы составляли более 90% государственного бюджета⁹¹. Неуклонно сокращалось сельскохозяйственное производство. Причиной снижения производства основного продукта питания — риса, а также других сельхозпродуктов

являлась нехватка удобрений, сельскохозяйственных машин, рабочей силы, что приводило к падению урожайности и уменьшению площади обрабатываемой земли. С 1941 г. в армию были призваны около 1 млн крестьян, в 1942 г. промышленный выпуск средств производства для сельского хозяйства сократился на 36%.

Не стимулировали производство продовольствия внутри страны и установленные правительством низкие закупочные цены. Сбор риса в стране в 1942 г. составил 66,78 млн коку (1 коку — 150 кг), в 1943 г. — 62,89 млн, в 1944 г. — 58,56 млн, 1945 г. — 39,15 млн⁹². Уже к февралю 1942 г. на всю страну была распространена система распределения риса, а затем введена частичная замена риса в пайке пшеницей, ячменем, а в 1943 г. — картофелем. Рыбы, которая занимала важное место в рационе японцев, выдавалось мизерное количество. Были введены строгие ограничения на потребление молока, мяса, сакэ, табака. Из-за нехватки молока рожденные в годы войны дети были слабыми и низкорослыми. Для того чтобы хоть как-то ослабить проблему наступавшего голода правительство развернуло кампанию по превращению в огороды городских парков и дворов, где надлежало выращивать тыкву, капусту, картофель. С августа 1944 г. еще больше обострилась ситуация со снабжением населения предметами первой необходимости. Стали дефицитными одежда, обувь, спички, мыло, свечи. За ними выстраивались очереди. В 1944 г. население было обеспечено одеждой лишь на 7,4% от уровня 1937 г.⁹³

Поэтому надежды в плане поддержания хотя бы на минимальном уровне снабжения армии и населения возлагались в основном на незатронутые военными действиями Маньчжурию и Корею, которые в 1930–1940-е гг. были превращены в довольно мощную военно-экономическую и продовольственную базу. Достаточно сказать, что в период войны в Маньчжурии находилось 55% общих мощностей производства синтетического горючего⁹⁴. По плану японского военно-политического руководства в связи с потерей индонезийских источников нефти в 1945 г. предусматривалось довести производительность маньчжурских заводов по производству синтетического горючего из угля и сланцев до 2 млн тонн⁹⁵.

В Маньчжурии производилось большое количество военной техники (самолеты, артиллерийское и стрелковое оружие, танки, автомобили и др.). В Японию вывозились из Маньчжурии железная руда, уголь, соевые бобы, а из Кореи — легкие металлы, вольфрам, ферросплавы и рис. Не случайно среди японских политических и военных лидеров в конце войны существовали «идеи» в случае высадки противника на Японские острова создать в Маньчжурии священную «империю Ямато» (древнее название Японии). В этом случае император и правительство должны были эвакуироваться в г. Чанчунь (с 1932 по 1945 г. — г. Синьцзин) — столицу созданного японцами в 1932 г. марионеточного государства Маньчжоу-Го и руководить оттуда войной.

Череда поражений, экономические трудности, вынужденный переход к стратегической обороне потребовали замены руководства страны. 18 июля 1944 г. решением императора прекратил свое существование развязавший войну на Тихом океане кабинет министров во главе с генералом Х. Тодзио. По существу, этой отставки добились хозяева японских монополий — «дзайбацу», которые опасались за свое будущее в случае поражения в войне. Поводом же явилось занятие американскими войсками острова Сайпан (Марианские острова), в 2 тыс. км от Японии, откуда бомбардировщики США могли совершать регулярные налеты на японскую метрополию.

На смену кабинету Тодзио пришло правительство во главе с бывшим до этого генерал-губернатором Кореи генералом К. Койсо. Большинство министерских постов в новом кабинете было отдано близким к монополистическим кругам политикам. Однако это не означало, что военные утратили свое влияние на выработку политики. 7 ноября 1944 г. Койсо выступил по радио с обращением к нации. Не имея какой-либо конкретной программы вывода страны из грозящего крахом кризиса, премьер-министр прибег к риторике, заявив: «С точки зрения Японии и ее восточноазиатских союзников, эта война является священной войной самосохранения, восстановления Восточной Азии и установления всеобщего мира. Япония будет вести войну против Англии и США вечно, пока противник не откажется от цели, заключающейся в том, чтобы обратить в рабство или уничтожить восточноазиатские страны»⁹⁶.

Переброска плавающих японских танков

Японская танковая часть

Сборка танков на японском заводе

Свидетельством тому, что новое правительство хотело привлечь к руководству страной не только военные, но и политические круги, было решение ввести в состав кабинета лидеров распущенных в 1940 г. главных политических партий страны — Сэйюкай и Минсэйто. Страна столкнулась с ситуацией, когда истощались не только материальные, но и людские ресурсы. Дело дошло до того, что японское руководство было вынуждено распространить закон о воинской повинности на население колоний — Кореи и Тайваня.

В предвоенные годы в качестве одного из доводов в пользу экспансии на материк японские идеологи и пропагандисты использовали тезис о перенаселенности Японии, отсутствии «жизненного пространства». Однако через несколько лет войны страна стала испытывать острую нехватку рабочей силы. Это было связано в первую очередь с массовым призывом мужчин в армию и на флот. Если к началу войны на Тихом океане сухопутные войска насчитывали 2,4 млн человек, в конце февраля 1944 г. — 3,98 млн, что составляло 10% всего мужского населения или 17% трудоспособного мужского населения, то после снижения призывного возраста сначала до 18, а затем до 17 лет и повышения предельного возраста призыва до 45 лет на конец 1944 г. под ружьем было уже 5,36 млн, а в августе 1945 г. — 7,19 млн (свыше 20% всего мужского населения), в том числе 5,5 млн человек в сухопутных войсках.

В армию в качестве рядовых стали призывать имевших бронь ученых, инженеров, квалифицированных рабочих. Их места занимали женщины и подростки. С 1944 г. для работы в промышленности были мобилизованы 3 млн подростков в возрасте старше 11 лет, а также незамужние женщины в возрасте от 22 до 39 лет. Однако это не могло решить проблему нехватки рабочей силы — производительность наскоро обученных женщин и подростков была весьма низкой⁹⁷.

Оказавшись неспособным предотвратить стремительное ухудшение положения Японии на фронтах, 4 апреля 1945 г. кабинет Койсо подал в отставку. 6 апреля было создано правительство, получившее впоследствии название «кабинет окончания войны». Его возглавил бывший гофмейстер и доверенный советник императора Хирохито, председатель Тайного совета 78-летний адмирал К. Судзуки. По утверждению японских историков правого направления, новый кабинет должен был «как можно скорее принять меры по заключению мира»⁹⁸. Однако в действительности тон в нем задавали армейские генералы, требовавшие во что бы то ни стало продолжения войны до победного конца. Незадолго до формирования кабинета Судзуки командование армии выдвинуло свои условия новому правительству:

- «1. Вести до конца войну за Великую Восточную Азию.
2. Сформировать кабинет, который будет всемерно стремиться к объединению командований армии и флота.
3. Конкретно и без колебаний проводить разработанную армией политику достижения безусловной победы в решающем сражении за собственно Японию»⁹⁹.

Эти требования поддерживались императорским двором и лично главнокомандующим вооруженными силами страны императором Хирохито. 24 июля 1944 г. монарх одобрил планы продолжения войны, впервые включавшие боевые действия на территории собственно Японских островов. Затем Хирохито отдал премьер-министру распоряжение до последней минуты оставаться в столице и решать в зависимости от обстановки, переносить императорскую ставку на континент или нет. При этом он выражал готовность «хранить верность земле божественных предков и сражаться с врагом насмерть»¹⁰⁰.

С августа 1944 г. началось вооружение населения для отпора врагу при его вторжении на «священную японскую землю». Народ вооружали в основном пиками и холодным оружием. Повсеместно, включая школы и высшие учебные заведения, проводились ежедневные занятия по отработке приемов владения бамбуковыми копьями для защиты и нападения. В том же месяце на императорском совещании монарх утвердил курс на усиление мер по противовоздушной обороне и создание «оружия победы», под которым понималось производство «боеприпасов особого назначения», а именно самолетов и специальных торпед, управляемых смертниками.

5 августа 1944 г. для более тесной координации действий по управлению вооруженными силами и страной в целом был создан новый орган — Высший совет по руководству войной, на который возложена задача «формулировать основную политику для руководства войной и улучшать взаимодействие военной стратегии и политики в период войны»¹⁰¹. В состав нового совета входили премьер-министр, министр иностранных дел, военный и военно-морской министры, начальники генерального штаба армии и главного морского штаба, а также их заместители.

30 сентября 1944 г. на императорском совещании (годзэн кайги) была утверждена «Основная программа руководства войной», предусматривавшая укрепление обороны оккупированных территорий и метрополии, а также названа «последняя линия обороны» — от Курильских островов до территории Бирмы; Корея и Китай (с Маньчжурией) рассматривались как стратегический тыл¹⁰². В конце января 1945 г. всем командующим японскими силами на Азиатско-Тихоокеанском театре войны была разослана директива следующего содержания: «Императорская ставка предполагает сломить боевой дух врага путем разгрома американских сил вторжения и тем самым обеспечить надежную оборону империи с метрополией, находящейся в ее центре»¹⁰³.

Понимая, что союзники рано или поздно окажутся на ближайших подступах к Японским островам и, в конце концов, войдут на японскую территорию, императорская ставка решила превратить район Японии, Кореи, Маньчжурии и оккупированной части Китая в «неприступную крепость», чтобы вынудить противника нести большие потери при ее штурме, всеми силами затянуть войну, избежать безоговорочной капитуляции и добиться компромиссных условий мира. В качестве посредника в переговорах с США и их союзниками в войне против Японии в целях достижения такого мира Токио решил предпринять оказавшуюся безуспешной попытку использовать Советский Союз¹⁰⁴.

Однако с началом 1945 г. развитие военно-стратегической ситуации в Европе и Азии, денонсация 5 апреля советско-японского Пакта о нейтралитете, близившийся полный разгром Германии вынудили Японию кардинально пересмотреть свои планы войны и принять 8 апреля 1945 г. «Общий курс подготовки к решительным операциям» («Кэцу-го»), исходящий из необходимости активизации организации обороны Маньчжурии и Кореи. В соответствии с приказом генштаба японской армии от 30 мая 1945 г. главнокомандующим Квантунской группировкой войск О. Ямаде стали ускоренно готовиться войска и плацдармы для войны против СССР и США на континентальной части театра войны в Маньчжурии, Корею и собственно Китае. Согласовывались и увязывались планы взаимодействия между Квантунской группировкой, 17-м фронтом в Корею и Экспедиционными силами в Китае, которые в мае — июне 1945 г. получили приказ немедленно отправить в Маньчжурию четыре дивизии и части усиления, перебросить из ряда провинций Китая части охраны железнодорожных и шоссейных коммуникаций¹⁰⁵.

На заключительном этапе войны сухопутные войска Японии были сосредоточены в пяти стратегических группировках во главе с главнокомандующими: Южная группа армий (Индонезия, Филиппины, Индокитай и Бирма), Экспедиционные силы в Китае, Квантунская группировка войск в Маньчжурии, 1-я и 2-я объединенные армии национальной обороны в метрополии (имевшие соответственно три и два фронта). Кроме того, на Хоккайдо, Южном Сахалине и Курилах оборону занимали войска 5-го фронта, на отдаленных островных территориях действовали войска 8-го и на Тайване 10-го фронта. Объединенная воздушная армия включала четыре воздушные армии, в том числе по одной в Маньчжурии и Корею, и 10 авиадивизий. Военно-морские силы Японии имели в своем составе Объединенный флот, состоявший из десяти флотов, в том числе пяти авианосных, одного подводного, а также экспедиционный флот в Китае, флоты юго-восточного и юго-западного направлений, силы морской охраны и восемь военно-морских баз. В Маньчжурии действовала Сунгарийская речная военная флотилия¹⁰⁶.

Однако военно-политическая обстановка развивалась вопреки расчетам Токио. К весне 1945 г. американские войска вышли на подступы к собственно Японии — в феврале был

захвачен остров Иводзима (архипелаг Огасавара), а 1 апреля американцы высадились на острове Окинава. В стране развернулась подготовка к решающему сражению за метрополию.

Для строительства оборонительных сооружений в целях отражения десантов противника необходимо было принять закон об отчуждении земель, находившихся в частном владении. Он позволял военному командованию в целях обороны без ограничений использовать территорию страны и ее население¹⁰⁷.

19 апреля 1945 г. Высшим советом по руководству войной был принят документ «Общие принципы осуществления единой судовой и портовой администрации страны». При императорской ставке создавалась главная инспекция морского транспорта, в состав которой вошли представители сухопутных сил, военно-морского флота, министерства вооружений, министерства транспорта и связи, крупных судоходных компаний. Держать морские перевозки в одних руках было необходимо в первую очередь для организации в случае необходимости быстрой переброски воинских соединений и вооружения из Маньчжурии и Кореи, на которые возлагались большие надежды при планировании военных действий на собственно японской территории¹⁰⁸.

Для защиты «непреступной крепости», создаваемой на островах и материке, требовалось огромное количество войск. Хотя в результате регулярных призывов военнообязанных Япония поддерживала существенное преимущество над союзниками по общей численности сухопутных войск на театре войны (без учета китайского фронта, на котором соблюдался статус-кво), тем не менее в ставке и правительственных кругах заговорили о необходимости тотальной мобилизации всех, кто способен носить оружие. Более того, высший совет по руководству войной решил придать войне общенародный характер, создав японский вариант фольксштурма, названный Гражданским добровольческим корпусом. В корпус было обязано вступать «все население, кроме стариков, детей, калек, беременных и кормящих женщин»¹⁰⁹. К августу 1945 г. в его составе уже числилось 28 млн человек, а из числа военнообязанных, зачисленных в корпус, были созданы боевые отряды, являвшиеся мощным резервом армии. Командующим Гражданским добровольческим корпусом стал премьер-министр.

На предприятиях и в районах существовали отдельно мужские и женские отряды. Добровольческий корпус должен был в случае ведения войны на Японских островах выполнять функции территориальной вспомогательной армии. При этом мобилизованных в корпус призывали к самопожертвованию ради победы. В своем выступлении перед руководством корпуса 13 мая 1945 г. премьер-министр К. Судзуки заявил, что «члены корпуса должны выполнять свою работу с таким же рвением, с каким части особого назначения «токко бутай» (смертники-камикадзе) выполняют свои задания на фронте»¹¹⁰. В сельской местности шло формирование Крестьянского трудового корпуса.

В соответствии с принятым парламентом Японии 22 июня 1945 г. «Законом о добровольной военной службе» в корпус могли призываться мужчины в возрасте от 15 до 60 лет и женщины от 17 до 40 лет. Призыв «добровольцев» и формирование отрядов осуществлялись на основе правительственного документа «О боевых отрядах Гражданского добровольческого корпуса». Накануне парламентом был принят закон о чрезвычайных мерах военного времени, опубликованный 21 июня 1945 г., согласно которому правительство получало право издавать любые распоряжения и принимать любые меры «по организации обороны» и пресечению «беспорядков»¹¹¹, невзирая на существовавшее ранее в стране законодательство¹¹².

Детальный план оборонительных операций на территории метрополии был принят Высшим советом по руководству войной еще 20 марта 1945 г., когда стало ясно, что США на перемирие не пойдут и следует ожидать вторжения американских войск на территорию собственно Японии и Кореи. Были намечены семь зон боевых действий: № 1 — в районе Хоккайдо, Карафутто (Южный Сахалин) и Тисима (Курильских островов); № 2 — в зоне Тохоку; № 3 — в зоне Канто; № 4 — в зоне Токай; № 5 — в зоне Кинки, Тюгоку и Сикоку; № 6 — в зоне Кюсю; № 7 — в зоне Кореи¹¹³.

9 апреля 1945 г. императорская ставка утвердила уточненный план подготовки операций по обороне метрополии, согласно которому на территории страны были сформированы

оперативно-стратегические объединения — 1-я и 2-я объединенные армии национальной обороны в составе 57 пехотных и двух бронетанковых дивизий (1-я армия включала в себя войска 11, 12 и 13-го фронтов, а 2-я — 15-го и 16-го фронтов) и Объединенная воздушная армия¹¹⁴.

Разработанный генштабом сухопутных войск план защиты метрополии под кодовым названием «Кэцу-го» вводился с момента высадки американских войск на основные острова Японии — Сикоку, Хонсю или Кюсю, которая, по расчетам японских военных специалистов, могла начаться не позже ноября 1945 г. И их предположения были верны — именно на 1 ноября американским командованием планировалась операция «Олимпик» по высадке на остров Кюсю.

План «Кэцу-го» включал в себя применение для отражения десанта всего оставшегося арсенала: самолетов, кораблей, всех видов огнестрельного оружия. Предполагалось использовать 5225 самолетов, пилотируемых камикадзе. Большинство из них должны были находиться в укрытиях, имея в баках топлива на полет в одном направлении — до места высадки противника. Летчики-камикадзе имели приказ топить транспортные суда и десантные баржи. Ставилась задача уничтожить как можно больше живой силы противника¹¹⁵. В случае если бы предотвратить высадку и продвижение противника в глубину страны не удалось, предусматривалось, по опыту сражения за Окинаву, вести оборонительные бои с использованием подземных убежищ и, отступив в горы, применять «тактику дождевого червя», нанося внезапные удары из укрытий¹¹⁶.

Для монарха и высшего руководства вооруженными силами на период «решающего сражения» с 11 ноября 1944 г. в горах вблизи г. Мацусиро в префектуре Нагано (центральная Япония) шло интенсивное строительство огромного бункера с разветвленной системой туннелей. В выдолбленном в скальной породе убежище должны были разместиться император с семьей, обслуживающий персонал, генеральный штаб, службы связи. В качестве рабочей силы использовались около 10 тыс. корейцев, из которых за время работ 1,5 тыс. умерли. Несмотря на обнищание и голодное существование народа, на строительство императорской ставки в горах была выделена весьма крупная сумма — 200 млн иен.

Планами предусматривалось, что наряду с регулярной армией на защиту Священной Японской империи поднимется как один весь народ. Однако власти не могли недооценивать расширявшиеся антивоенные настроения простых японцев, которые жестоко подавлялись репрессивными органами. Свирепствовала цензура: летом 1944 г. «за пропаганду пацифизма» были закрыты популярные общественно-политические журналы «Кайдзо» и «Тюо корон». Проводились многодневные «учения по поимке шпионов», в ходе которых полиция и жандармерия осуществляли массовые проверки документов на улицах городов. Под строгим надзором находились все бывшие профсоюзные деятели, руководители и члены давно распущенных и разогнанных левых партий и организаций, ученые, деятели культуры. В 1944 г. жандармерия привлекла к ответственности за распространение «вредных слухов» 6233 человека¹¹⁷.

В условиях роста стихийных антивоенных выступлений населения милитаристское правительство изыскивало пути подавления недовольства, «поддержания морального состояния населения». В январе 1945 г. были учреждены Комитет по укреплению внутреннего положения страны и Политический комитет Великой Японии с целью «обеспечения сотрудничества всех слоев населения в преодолении национального кризиса».

16 июня 1944 г. американская авиация совершила воздушные налеты на северную часть японского острова Кюсю. С этой бомбардировки для населения Японии наступил период, когда война, перестав быть «пожаром на другом берегу», пришла в их дом. По мере усиления массированных бомбардировок японских городов авиацией США в японском обществе рос пессимизм по поводу перспектив войны. Положение японской метрополии резко ухудшилось после того, как американцы, овладев весной 1945 г. расположенными в непосредственной близости от Японии островами, приступили к так называемым ковровым бомбардировкам городов Японии. В марте 1945 г. был совершен 91 массированный налет на японские города,

жертвами которых стали 147 тыс. человек. Только в ночь на 10 марта в Токио погибли свыше 83 тыс. человек и 41 тыс. человек были ранены. В налете участвовало 150 бомбардировщиков В-29, сбрасывавших в основном зажигательные бомбы. В результате было сожжено более 40% жилого фонда японской столицы, 180 тыс. семей остались без крова. Не меньший ущерб был нанесен и массированными бомбардировками Токио 13 апреля и 25 мая. Из 206 японских городов 98 были подвергнуты бомбардировкам и обстрелам корабельной артиллерией. Всего на острова собственно Японии было сброшено 160,8 тыс. американских бомб. При этом задача ставилась «сжечь частные дома и, по крайней мере, небольшие японские фабрики»¹¹⁸. В результате налетов было разрушено 2210 тыс. домов, что составляло около четверти жилого фонда Японии. Потери гражданского населения от авиационных бомбардировок и артиллерийских обстрелов составили по различным данным от 500 до 900 тыс. человек, что во много раз превышает число погибших в огне атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки.

Основными объектами бомбардировок оказались не военно-морские и авиационные базы или сосредоточения войск, а города, на разрушение которых было израсходовано 65% всего бомбового тоннажа. Это делалось сознательно — главной целью бомбардировок являлось деморализующее воздействие на японский народ. Можно считать, что эта цель была в значительной степени достигнута¹¹⁹. Японские историки отмечают: «Существовали различия в восприятии войны между горожанами и сельскими жителями, теми, кто подвергался бомбардировкам и кто жил в отдаленной местности, между мужчинами и женщинами, стариками и молодежью. Однако фактом является то, что по сравнению с победным периодом начала войны с середины 1944 г. воинственный дух нации стремительно убывал»¹²⁰.

Вопреки утверждениям о том, что японская молодежь якобы в массовом порядке рвалась в отряды камикадзе с тем, чтобы «с радостью погибнуть за императора», в действительности, за исключением небольшого числа фанатиков, молодые японские летчики не хотели умирать, но были вынуждены вступать в спецотряды «токко бутай», дабы не потерять честь семьи и не прослыть трусом. Об этом свидетельствуют как признания оставшихся в живых камикадзе, так и предсмертные письма погибших летчиков своим родным. Камикадзе были не героями, а жертвами японского милитаризма. Зачисленных в спецотряды юнцов обрекали на бессмысленную гибель — на подготовку летчиков-смертников отводилось лишь 17 часов, после чего их ждала смерть. Какой-либо серьезной военной роли смертники сыграть не могли. Японское командование, обрекая на гибель тысячи молодых людей, преследовало цель убедить американцев в готовности нации «вести войну до последнего японца», что должно было заставить правительство США из опасений огромных жертв при высадке на Японские острова завершить войну на выгодных для Японии компромиссных условиях. Заместитель начальника главного морского штаба японских ВМС адмирал Т. Ониси заявлял о готовности бросить в сражение за метрополию 20 млн камикадзе. Имелись в виду не только летчики, но и все, кто держал в руках оружие. В ходу был придуманный пропагандой лозунг: «Сто миллионов погибнут как один!».

С тем чтобы убедить японцев пожертвовать собой в последнем сражении, милитаристская пропаганда запугивала их ужасами прихода американцев. Утверждалось, что в случае капитуляции Япония станет нацией рабов: женщины будут изнасилованы, мужчины убиты или отправлены на каторжные работы. Следует признать известный эффект такой пропаганды, ибо многие ей верили и выражали готовность сражаться до последнего. При этом сказывался фанатический национализм, умело привитый за годы психологической обработки и «промывки мозгов».

Вместе с тем весной 1945 г. большинство японцев уже не верили официальным правительственным сообщениям с обещаниями скорого изменения обстановки в пользу Японии. Многие перестали их читать и тайком слушали новости американских военных радиостанций, а также читали и передавали знакомым листовки, сбрасываемые с американских самолетов. Жандармы сбивались с ног, разыскивая и собирая эти листовки, изымали у населения подробные географические карты и коротковолновые радиоприемники. В народе началось брожение, которое остановить репрессиями становилось все труднее. К лету 1945 г. положение

Американские бомбардировщики и истребители сопровождения держат курс на Японию

Американский бомбардировщик на фоне горы Фудзияма

Тела погибших при бомбежке жителей Токио

Аэрофотосъемка бомбардировки японского города Осака

ние населения Японии достигло критической точки: без крова остались 9,2 млн человек — 12% населения, 40% японцев из-за разрушений потеряли места работы, а значит, лишились всяких доходов, начался массовый исход горожан в деревни¹²¹.

Однако император продолжал верить в необыкновенную «силу духа истинного японца, его способность на нечеловеческие усилия и беззаветное самопожертвование». Он воспринимал уверения генералов в том, что, несмотря на отсутствие нефти и ежедневные бомбардировки, шансы на победу не потеряны и необходимо дать «решающее сражение» с тем, чтобы враг осознал тщетность попыток завоевать божественную «нацию Ямато»¹²².

В душе даже фанатично настроенные японские генералы понимали, что спасти Японию от оккупации может только чудо. И они весной 1945 г. на такое чудо всерьез рассчитывали. В Японии в строжайшей секретности с мая 1941 г. проводились исследования по созданию собственной атомной бомбы, которые были зашифрованы как «Проект Ни» — по первому иероглифу фамилии руководителя проекта ученика Нильса Бора японского профессора Ё. Нисины. Курировал проект начальник отдела науки и техники главного штаба ВВС, а затем начальник этого штаба генерал Т. Ясуда. С самого начала работы были затруднены из-за отсутствия в Японии урановой руды необходимого качества. Японцы даже обращались к А. Гитлеру с просьбой направить им такую руду.

Хотя генеральный штаб сухопутных сил Японии, подобно утопающему, хватался за соломинку и всячески подстегивал ученых, последние 22 июля 1945 г. вынесли неутешительный вердикт о том, что Япония не в состоянии быстро изготовить атомную бомбу. Однако японская военная верхушка до последнего уповала на новое «чудо-оружие», будучи готовой все ресурсы бросить на его скорейшую разработку.

Нельзя не учитывать и намерения японского правительства и командования в крайнем случае пустить в ход накопленное в огромных количествах химическое и бактериологическое оружие. В Японии существовали детально разработанные планы применения этого запрещенного международными конвенциями оружия массового уничтожения¹²³.

Несмотря на ухудшающуюся ситуацию, на заседании Высшего совета по руководству войной 6 июня вновь был подтвержден курс Японии на продолжение военных действий. В принятом на заседании решении указывалось: «Империя должна твердо придерживаться курса на затяжной характер войны, не считаясь ни с какими жертвами. Это не может не вызвать к концу текущего года значительных колебаний в решимости противника продолжать войну»¹²⁴. В японской столице рассчитывали и на то, что путем проведения «мирной дипломатии» Японии удастся сохранить за собой Корею и Тайвань, избежать безоговорочной капитуляции, обеспечить сохранность в стране существующего режима во главе с императором и продолжать войну до тех пор, пока США и Великобритания не пойдут на уступки в определении условий перемирия.

Проведенные 6–8 июня заседания Высшего совета по руководству войной, сделанные в ходе них оценки и принятые решения окончательно определили курс на проведение «решающего сражения». И хотя участники совещаний несколько преувеличивали потенциал Японии, они всерьез рассчитывали упорным и самоотверженным сопротивлением армии и народа, нанесением противнику колоссального ущерба избежать капитуляции и добиться компромиссного мира.

Оценка военной мощи и морального состояния общества сводилась к следующему: «По мере ухудшения для Японии военной обстановки возникает все больше трудностей для вооруженных сил, транспорта, а также в производстве важнейших видов продукции; кроме того, ухудшается продовольственное положение в стране. Особого внимания требует состояние общественного мнения. Народ полон желания оказать сопротивление вторжению противника, однако у некоторых людей имеются другие настроения. Растет критика в адрес военного командования и правительства. Если так будет продолжаться и дальше, то это может привести к потере доверия к правящим кругам, а также к деморализации народа. Отдельные признаки указывают на то, что безответственные элементы стремятся использовать недовольство и совершить переворот»¹²⁵.

Летчики-камикадзе перед последним боевым вылетом

Японский аэродромный персонал провожает в последний вылет группу камикадзе

Японский камикадзе на истребителе атакует американский линкор

Оценка людских ресурсов: «Положение с людскими ресурсами благоприятнее, чем с материальными. Однако мобилизация и размещение людских ресурсов не соответствуют требованиям производства. При правильном перераспределении и повышении эффективности использования людских ресурсов они смогут удовлетворить требованиям войны. Но в дальнейшем на это нельзя возлагать особенно большие надежды в связи с тем, что возникает необходимость привлечь в армию большое количество людей с производства и из сельского хозяйства. Необходимо также учитывать проявление признаков снижения производительности труда, вызванное условиями войны, а также ухудшение общего физического состояния населения».

Транспортные возможности и связь: «Общий тоннаж используемых паровых судов быстро снижается и в настоящее время составляет около 1 млн тонн. Значительные трудности вызываются недостатком топлива, увеличением потерь и повреждений от действий противника, снижением возможностей в обработке грузов и т. д. Если в ближайшее время Япония будет нести потери в тех же размерах, тоннаж используемых судов будет сведен к нулю. Что касается железнодорожного транспорта, то его возможности в настоящее время постепенно снижаются из-за изношенности подвижного состава и оборудования, а также в результате воздушных налетов. В дальнейшем предполагается усиление воздушных налетов на железные дороги. Даже если будут приняты все меры, возможности железнодорожного транспорта сократятся вдвое по сравнению с прошлым годом. Большие трудности испытывает связь из-за изношенности оборудования, неудовлетворительного положения с кадрами и воздушных налетов противника».

Материальные ресурсы: «Из-за трудностей, связанных с получением и перевозкой угля и железной руды, производство стали в настоящее время сократилось на 25% по сравнению с соответствующим периодом прошлого года. Поставки каменного угля в восточные и западные районы страны значительно снизились из-за сокращения производства и перевозок. По мере возрастания интенсивности воздушных налетов повсеместно сократилось промышленное производство в основных индустриальных районах. Из-за сокращения поставок химического сырья с материка производство химической промышленности стало снижаться быстрыми темпами, что ставило под удар выработку легких металлов, синтетической нефти и прежде всего взрывчатых веществ. По мере израсходования запасов жидкого топлива к середине года создалось крайне напряженное положение, особенно с авиационным бензином. Нарушение путей сообщения и производства в результате усилившихся воздушных налетов, а также критическое положение с сырьем и топливом поставило в очень тяжелые условия производство современных видов вооружения, в частности самолетов».

Жизненный уровень народа: «Продовольственное положение в стране постепенно ухудшается. Хотя и осуществляются регулярные поставки продовольствия с материка, впредь необходим более жесткий контроль над распределением основных видов питания и ограничение потребления соли в предельно необходимых для организма нормах. В отдельных районах может возникнуть голод, а это, в свою очередь, чревато нарушениями общественного порядка»¹²⁶.

По итогам совещаний Высшего совета по руководству войной был выработан и принят документ «Основные принципы руководства войной». В нем закреплялось решение ведения войны до конца с тем, чтобы «сохранить государственный строй, защитить землю императора и обеспечить основы развития нации в будущем». В документе подчеркивалась необходимость «сосредоточить основные усилия императорской армии на создании в кратчайший срок надежной обороны империи, которая станет полем сражения. Дислокацию сил на других направлениях определить с учетом возможностей, обратив особое внимание на ведение войны против Соединенных Штатов Америки, которые рассматривать в качестве основного противника»¹²⁷.

Сосредоточение всех сил страны на сражении с американскими силами вторжения требовало проведения политики нейтрализации других противников. В связи с этим в документе выдвигалась задача «быть готовым к активному и настойчивому проведению дипломатических

акций, особенно в отношении Советского Союза и Китая, чтобы обеспечить благоприятные условия для ведения войны»¹²⁸.

Итак, с начала 1945 г., а наиболее активно — с наступлением весны, сразу после разгрома Германии, Япония вновь приступила к наращиванию своих вооруженных сил вблизи границ СССР, что, несомненно, вело к снижению ее возможностей удерживать позиции на других участках Азиатско-Тихоокеанского театра войны и создавало условия для активизации военных операций союзников по антияпонской коалиции.

Группировка японских войск в Маньчжурии, уже давно превратившаяся в самостоятельное стратегическое объединение вооруженных сил на крупном театре военных действий, опиравшаяся на мощный военно-экономический потенциал Северо-Восточного Китая, была значительно усилена. Если в 1944 г. ее части и подразделения привлекались к боям в районе Южных морей, то теперь они были сосредоточены на северо-востоке Китая. Существенно были увеличены запасы горючего, боеприпасов, продовольствия и т. д. На базе реорганизованной Оборонной Квантунской армии в мае 1945 г. была развернута 44-я полевая армия. С 30 мая по упомянутому выше решению императорской ставки из состава японских Экспедиционных сил в Китае были выведены четыре дивизии и по железным дорогам переброшены в Маньчжурию¹²⁹. Находившимся в Китае частям и соединениям было приказано «перегруппироваться таким образом, чтобы максимально способствовать готовности японских войск... к действиям против советской группировки».

В конце июля 1945 г. японская императорская ставка пришла к окончательному выводу: для того чтобы увеличить мощь своих сил на маньчжурском плацдарме, необходимо перебросить туда как можно большее количество войск, действовавших в Китае, и соответственно сократить масштабы военных действий на китайском фронте¹³⁰. 17 июля было дано указание о передислокации из Южной в Северную Корею 34-й армии, которая с 10 августа вошла в состав 17-го фронта¹³¹. В Корее и Маньчжурии в это время проводилась тотальная мобилизация местного и японского населения. Одних корейцев планировалось призвать 210 тыс. человек¹³².

Войска Квантунской группировки (главнокомандующий генерал Ямада Отодзо) были сведены во фронтовые и армейские объединения, включавшие: три фронта (1-й, 3-й и с 10 августа — 17-й, Корейский), отдельную (4-ю) полевую армию (всего 42 пехотные и семь кавалерийских дивизий, 23 пехотные, две кавалерийские, две танковые бригады и бригада смертников, шесть отдельных полков), 2-ю и 5-ю (Корея) воздушные армии и базировавшуюся в Харбине Сунгарийскую военную флотилию. Кроме того, в распоряжении японского командования находились войска 250-тысячной армии Маньчжоу-Го и кавалерийские соединения японского ставленника во Внутренней Монголии князя Дэвана (Тонлопа). Общая численность группировки японских и марионеточных войск к августу 1945 г. превышала 1 млн человек. На вооружении она имела 6640 орудий и минометов, 1215 танков, 1907 боевых самолетов и 26 кораблей¹³³.

Наряду с этим японское командование в Маньчжурии предусматривало возможность использования жандармских, полицейских, железнодорожных и иных военизированных формирований, а также вооруженных отрядов резервистов-переселенцев.

Квантунскую группировку войск непосредственно обеспечивали силы японского флота, опиравшиеся на выдвинутые для действий в сторону материка базы в Северной Корее и на Ляодунском полуострове. В связи с относительной удаленностью Маньчжурии от метрополии и других японских фронтов на помощь Квантунской группировке в критический момент предусматривалось дополнительно перебросить японские войска Суйюаньской армейской группы и Северо-Китайского фронта Экспедиционных сил в Китае¹³⁴.

На Южном Сахалине и Курильских островах к 1945 г. дислоцировалась часть соединений 5-го фронта, штаб которого находился на острове Хоккайдо (три пехотные дивизии, отдельная смешанная бригада, отдельный пехотный и отдельный танковый полки). Не исключалось, что при определенных условиях ареной боевых действий мог стать и сам остров Хоккайдо¹³⁵.

Палуба американского авианосца после атаки камикадзе

Пилотируемый летчиком-камикадзе реактивный самолет-снаряд

В качестве стратегического резерва для действий на материке могли быть использованы многочисленные войска и крупные силы флота, находившиеся непосредственно в Японии. По сообщению штаба генерала Д. Макарура от 20 сентября 1945 г., численность только сухопутных японских войск на 15 августа составляла в метрополии 2 млн 253 тыс. солдат и офицеров.

Военно-морские силы Японии по состоянию на 9 августа 1945 г. также представляли еще внушительную силу. В их составе имелось около 650 кораблей основных классов (в том числе 30 поврежденных), из них девять авианосцев и эскортных авианосцев (три поврежденных), четыре линейных корабля (два поврежденных), четыре тяжелых крейсера (два поврежденных), 10 легких крейсеров (два поврежденных), 45 миноносцев всех типов (15 поврежденных), 60 подводных лодок и до 200 торпедных катеров¹³⁶.

Непосредственно против советских Тихоокеанского флота и Северной Тихоокеанской флотилии, то есть на приморском направлении (район Сахалина и Камчатки), японское командование держало большие силы своего флота, в том числе пять авианосцев, два линейных корабля, три тяжелых и три легких крейсера, практически все эскадренные миноносцы и торпедные катера.

Японские корабли были сосредоточены в главной базе Йокосука и других военно-морских базах собственно Японии: Вакканай, Румоэ, Хакодате (о. Хоккайдо), Оминато, Ниигата, Майдзуру, Симонесеки (о. Хонсю), Сасебо (о. Кюсю). Такое расположение определялось требованиями противовоздушной обороны, кроме того, оно обеспечивало быстрое сосредоточение значительных сил на избранном направлении.

Главная база флота противника в Японском море Майдзуру и главная база во Внутреннем Японском море Куре, а также база Сасебо могли быть использованы для действий против Тихоокеанского флота СССР. В непосредственной близости к советскому Приморью имела широкая сеть военно-морских баз — Юки, Расин, Сейсин — в Северной Корее; Хакодате, Румоэ и Вакканай — на острове Хоккайдо; Отомари и Маока — на Южном Сахалине; Катаока — на острове Шумшу.

Японским командованием было намечено использовать в случае необходимости личный состав флота для операций на суше. Общая его численность составляла около 1,7 млн человек, из которых 1,3 млн дислоцировались в самой Японии¹³⁷. Не менее 1 млн человек личного состава японского флота были приписаны к пунктам и базам, позволявшим произвести быстрое развертывание военно-морских сил против СССР. Многочисленный состав флота и авиации, широкая сеть базирования кораблей и самолетов, а также отсутствие активных военных действий в других районах создавали японскому командованию возможность быстрого сосредоточения в Японском море превосходящей группировки надводных кораблей для решения самостоятельных оперативных задач и содействия сухопутным войскам на приморских направлениях. Однако ее действия сковывались из-за острого дефицита топлива.

Равномерно вдоль всей территории собственно Японии располагались аэродромы. Распределение их по дуге, охватывающей подходы к Владивостоку и советскому Приморью, создавало благоприятные условия для сосредоточенных массированных действий японской авиации и для эффективного прикрытия ею своих морских коммуникаций, проходивших в Японском море вдоль западных берегов Южного Сахалина, островов собственно Японии и пересекавших Японское море (примерно по линии Майдзуру — Гензан) и проливную зону по линии Модзи — Фузан.

Широкая аэродромная сеть Маньчжурии и Кореи, а также собственно Японии позволяла организовать боевые действия и обеспечивала сосредоточение сил авиации на любом операционном направлении. К августу 1945 г. в Маньчжурии и Корее находились соответственно 2-я и 5-я воздушные армии, в которых насчитывалось около 2 тыс. самолетов (600 бомбардировщиков, 1200 истребителей, более 100 разведчиков и до 100 вспомогательных самолетов), но преимущественно устаревших конструкций¹³⁸. Морская авиация противника, выделенная для действий против СССР, насчитывала около 500 бомбардировщиков, 1000 истребителей и 300 разведчиков.

Сунгарийская речная военная флотилия имела свыше 30 кораблей и катеров (пять канонерских лодок, 12 бронекатеров, 10 сторожевых кораблей), три полка морской пехоты с 50 десантными мотоботами и 60 десантными моторными лодками. Часть личного состава флотилии была из маньчжур, руководили флотилией японские офицеры. С начала войны базирование японских кораблей было перенесено в главную базу флотилии — Харбин.

Японская императорская ставка и генеральный штаб армии вместе со штабом Квантунской группировки войск приняли новый вариант оперативного плана, в котором в случае войны с СССР оборонительные действия предусматривалось вести лишь на первом этапе, а в последующем планировался переход в контрнаступление вплоть до вторжения на советскую территорию. Суть замысла японского командования состояла в том, чтобы упорной борьбой в укрепленных приграничных районах и на выгодных естественных рубежах измотать советские войска и не допустить их прорыва в центральные районы Маньчжурии и Корею¹³⁹. Эту идею должны были реализовать войска прикрытия, составлявшие примерно одну треть сил всей японской группировки, включая армию Маньчжоу-Го, пограничные войска и часть полевых войск.

Японское командование, исходя из условий местности и дорожной сети, ожидало главного удара со стороны Приморья и основные силы своих войск сосредоточило на этом направлении. Наступление крупных сил советско-монгольских войск с территории Монгольской Народной Республики ввиду труднодоступной горно-пустынной местности, недостатка коммуникаций и сложности водоснабжения считалось практически невозможным. На этом направлении японских войск было сосредоточено сравнительно немного, и мощный удар Забайкальского фронта оказался для противника неожиданным.

Главные силы японских войск сосредоточивались в Центральной Маньчжурии и на первом этапе предназначались для ликвидации возможных прорывов советских войск путем проведения мощных контрударов по внутренним операционным линиям, сохраняя при этом компактность своей группировки. На маньчжурском направлении планировалось разгромить советские войска в пограничных районах Маньчжоу-Го. Предполагалось использовать обширные просторы и преимущества сложного рельефа Маньчжурии для того, чтобы не допустить прорыва советских войск в ее внутренние районы.

Согласно приказу ставки от 30 мая 1945 г., Квантунская группировка войск вела подготовку к тому, чтобы при ведении боевых действий против советских войск объединить усилия с японской Корейской армией. Ставилась задача разгромить противника на территории Маньчжурии, не допустить его продвижения южнее ЮМЖД, обеспечить оборону полосы укрепленных районов восточнее железной дороги Чанчунь — Дайрен и повернуть общий ход боевых действий в выгодную для Японии сторону. Чтобы обеспечить длительность и региональную автономность обороны, наряду с тесным взаимодействием между войсками, находившимися в метрополии и на континенте, предусматривалось ведение самостоятельных и изолированных боевых действий как в собственно Японии, так и в Китае и Маньчжуро-Корейском регионе. Поэтому материальные запасы в целях наибольшей надежности из всей Маньчжурии перемещались в северную часть Кореи¹⁴⁰.

В случае неблагоприятного исхода оборонительного сражения японское командование предусматривало отвести свои войска на рубеж Чанчунь — Мукден — Цзиньчжоу, а при невозможности закрепиться на этом рубеже — в Корею и организовать отпор на рубеже рек Тумыньцзян и Ялуцзян¹⁴¹.

Значительные надежды возлагались на стойкость японских сухопутных войск в обороне, на массовое применение камикадзе, которые должны были заставить противника пойти на компромисс перед угрозой больших потерь в живой силе. Именно об этом свидетельствовал опыт вооруженной борьбы с американцами в боях за остров Окинава, 77-тысячный изолированный японский гарнизон которого в условиях абсолютного превосходства противника в воздухе и на море, при непрерывных бомбардировках и обстрелах корабельной артиллерии почти три месяца противостоял более чем полумиллионной группировке противника, потерявшей в конечном счете около 50 тыс. человек убитыми и ранеными¹⁴².

Японские корабли в Токийском заливе

Спуск на воду японской торпеды, управляемой смертником

Военное командование Японии считало, что такой же упорной, длительной и кровопролитной будет вооруженная борьба и на маньчжурском направлении. Поэтому на требование Потсдамской декларации о капитуляции японское военно-политическое руководство ответило пропагандистскими мероприятиями среди войск и населения страны, направленными на разжигание фанатизма, готовности к жесточайшей схватке до последнего солдата. Так, командование обратилось к личному составу Квантунской группировки войск с призывом: «Пусть нам придется есть траву и грызть землю, но мы должны жестоко и решительно сражаться с врагом»¹⁴³.

Большая часть офицеров ставки выступала за продолжение войны, считая, что «основная масса сухопутных войск еще сохранена. Она вполне способна нанести мощный удар по противнику в случае его высадки на японскую территорию. Японские войска еще не участвовали в решительных сражениях». «Как же можно выбрасывать белый флаг, даже не начав сражаться?» — заявляли они¹⁴⁴.

Аналогичного мнения придерживался и главнокомандующий японскими Экспедиционными силами в Китае генерал Я. Окамура: «Капитулировать, не вводя в бой армию, численность которой составляет несколько миллионов человек, — позор, которому нет равного во всей военной истории»¹⁴⁵.

Руководство Японии полагало, что «против превосходящих по силе и подготовке советских войск» японская армия «продержится в течение года»¹⁴⁶. Первый этап должен был продлиться около трех месяцев. Считалось, что только прорыв приграничной полосы долговременных укреплений займет у советских войск не меньше месяца. К концу первого этапа, по мысли японского командования, возможно продвижение до рубежа Байчэн — Цицикар — Бэйаньчжэнь — Цзямусы — Муданьцзян. Затем советским войскам потребуются еще три месяца, чтобы подтянуть тылы и подготовиться к операциям второго этапа по захвату остальной части Маньчжурии и Внутренней Монголии, на что должно было уйти примерно шесть месяцев. В течение этого времени японское командование рассчитывало перегруппировать силы, организовать контрнаступление и, восстановив положение, добиться почетных условий мира.

Большие надежды возлагались на организацию диверсионных (партизанских) отрядов, в состав которых входили и белоэмигранты, а также на отряды смертников. Сущность действий этих отрядов состояла в проведении систематических, небольших по масштабам, но значительных по результатам специальных операций на территории, которую удалось бы занять противнику¹⁴⁷.

Готовясь к военным действиям против СССР, японское командование рассчитывало использовать преимущества Дальневосточного ТВД (ДВ ТВД), включавшего обширные сухопутные территории Маньчжурии, Внутренней Монголии и Северной Кореи, Дальневосточный морской и Амурский речной театры, которые, резко отличаясь от других театров Великой Отечественной войны своими размерами и сложнейшими физико-географическими особенностями (сочетание горно-таежной, болотистой и пустынной местности при наличии развитой гидрографической сети к востоку от Большого Хингана), были мало знакомы советским войскам.

Только одна Маньчжурия занимала территорию в 1 млн 320 тыс. кв. км, равную по величине площади Германии, Италии и Японии вместе взятых. Общая же площадь сухопутной части ДВ ТВД составляла 1,5 млн кв. км. Эта огромная территория простиралась с севера на юг на 1500 км и с запада на восток на 1200 км. Общая же протяженность линии границы, вдоль которой были развернуты советские войска, насчитывала более 5 тыс. км, что на 2 тыс. км превышало протяженность всех фронтов Первой мировой войны.

Характер начертания советско-маньчжурской границы, длина которой достигала 3430 км, благоприятствовал японским войскам в случае развертывания ими наступательных операций, позволял им активно действовать по внутренним операционным линиям.

Особенностью военных действий являлось и то, что советские войска, развернутые в Приморье, находились в 3 тыс. км по линии границы от группировки войск противника, развернутой в восточной части Монгольской Народной Республики.

Театр военных действий против советских войск был оснащен системой оборонительных сооружений, пунктов базирования аэродромов, сетью коммуникаций. К августу 1945 г. в Маньчжурии и Корее было построено 20 авиабаз, 133 аэродрома, более 200 посадочных площадок — всего около 400 аэродромных точек с оперативной емкостью более 6 тыс. самолетов. На территории, занятой Квантунской группировкой войск, было расположено 870 крупных военных складов и хорошо оборудованных военных городков, рассчитанных на 1,5-миллионную армию. Вместе с ветками, отходившими от главных магистралей, общая протяженность железных дорог достигала здесь 14 тыс. км; в распоряжении Квантунской группировки было около 22 тыс. км автомобильных дорог¹⁴⁸.

Горно-лесистый характер маньчжурского плацдарма и обилие водных преград позволили японскому командованию создать мощную систему обороны вдоль границ СССР. К началу военных действий противник имел в приграничной полосе 17 укрепленных районов общей протяженностью по фронту 822 км (4500 долговременных огневых сооружений). Районы были оборудованы по последнему слову фортификационной науки и техники. Так, протяженность подземных галерей Сахалинского и Цикейского укрепленных районов, расположенных на берегу Амура, равнялась соответственно 1500 и 4280 м, а укрепления в нижнем течении Сунгари состояли примерно из 950 сооружений и 2170 м закрытых ходов сообщения. Каждый укрепленный район достигал 50–100 км по фронту и до 50 м в глубину. Он состоял из 3–7 узлов сопротивления, включавших 3–6 опорных пунктов. Узлы сопротивления и опорные пункты оборудовались, как правило, на господствующих высотах, а их фланги примыкали к труднодоступной горно-лесистой или лесисто-болотистой местности.

Во всех укрепленных районах были построены долговременные огневые сооружения с артиллерийскими и пулеметными огневыми точками, бронеколпаками, противотанковыми рвами, окопами и проволочными заграждениями. Помещения для личного состава, хранения боеприпасов и продовольствия, электростанции и линии электропередачи, системы водоснабжения и вентиляции находились глубоко под землей. Развитая сеть подземных ходов соединяла все оборонительные сооружения в единый комплекс¹⁴⁹.

Линия пограничных укреплений (первый оборонительный рубеж) выполняла функции полосы прикрытия, которая состояла из трех позиций: первая (глубиной 3–10 км) включала передовые узлы сопротивления и опорные пункты, вторая (3–5 км) — основные узлы сопротивления и третья (2–4 км) находилась в 10–20 км от второй позиции.

После линии пограничных укреплений следовали второй и третий оборонительные рубежи, состоявшие преимущественно из сооружений полевого типа. На втором рубеже (1-й фронт) находились основные силы фронта, а на третьем — фронтовые резервы¹⁵⁰.

Полоса прикрытия, на которой размещалась примерно треть войск, должна была обеспечить ведение сдерживающих боев и срыв наступления советских войск. Находившиеся в глубине основные силы Квантунской группировки предназначались для контр наступления.

На Сахалине и островах Курильской гряды (близ Камчатки) также создавались мощные оборонительные позиции. По последнему слову фортификационного искусства был создан Котонский укрепрайон на Сахалине, береговые артиллерийские батареи содержались в железобетонных укрытиях, воинские гарнизоны располагались в долговременных сооружениях¹⁵¹.

Значительными географическими особенностями отличался и Дальневосточный морской театр военных действий, протяженность которого в меридиональном направлении составляла около 4 тыс. миль (7,5 тыс. км). Одна из этих особенностей — закрытый и расчлененный характер отдельных районов театра. Действия советского Тихоокеанского флота могли вестись в пределах четырех полностью или в значительной мере изолированных бассейнов — Японском, Охотском и Желтом морях и в северо-западной акватории Тихого океана (Камчатский район). Эта особенность к началу войны имела весьма существенное значение, так как все проливы (Лаперуза, Сангарский, Цусимский) и Желтое море находились под контролем Японии. Тихоокеанским флотом контролировался лишь мелководный Татарский пролив, соединяющий Японское и Охотское моря.

Сказывалась и большая удаленность от других морских театров и центральных районов страны. Приходилось учитывать и большую растянутость театра по меридиану (от Корей-

ского полуострова до Берингова пролива — 30 градусов, что составляет около 4 тыс. миль), и относительно короткие поперечные расстояния. Так, от Владивостока до Петропавловска — 1290 миль, до Берингова пролива — около 2600 миль, до Порт-Артура — 1135 миль, а расстояние от Владивостока до японских военно-морских баз на островах Японского архипелага Хонсю и Хоккайдо — 430–500 миль. Как советское, так и японское побережья и сообщения на всем протяжении Японского моря находились в зоне действий авиации и легких сил флотов обеих сторон.

Большие глубины Японского моря позволяли обеим сторонам активно использовать военные суда всех классов. 1000-метровая изобата проходила здесь на расстоянии около 30 миль от береговой черты, а 200-метровая изобата — параллельно Приморью на расстоянии 10–20 миль, что создавало благоприятные условия для действий подводных лодок и ограничивало использование мин. Постановка их была возможна только непосредственно у побережья и в проливах.

Действия Краснознаменной Амурской флотилии развертывались на реках Амур (от истока до низовья), Уссури, Сунгач, Шилка, Зея, Буряя. Общая протяженность водного пространства операционной зоны флотилии превышала 4 тыс. км (без учета озера Ханка и р. Сунгари, контролировавшихся японцами). Важной особенностью Амурского речного театра военных действий являлось то, что на его протяжении от озера Ханка до села Покровки проходила государственная граница. Из 3430 км границы СССР с Маньчжурией 2700 км пролегли по рекам Амур, Аргунь, Уссури, Сунгач и по озеру Ханка. Таким образом, советская флотилия владела одним берегом, а противник — другим. Прилегающие к рекам местность и населенные пункты изобиловали укреплениями и другими оборонительными сооружениями.

С целью воспрепятствования продвижению кораблей Амурской флотилии вверх по р. Сунгари японское командование разработало план заграждений, согласно которому в узких и труднопроходимых для кораблей местах намечалось затопление судов и барж, груженных камнем. Однако быстрое продвижение кораблей Амурской флотилии вверх по реке не позволило противнику полностью реализовать этот план. Всего на фарватере было затоплено до 17 барж и буксиров.

Определенный расчет японское командование делало и на сложности климата в районах южнее и юго-восточнее дальневосточных рубежей России. Летнее время характерно для ДВ ТВД обилием дождей. В августе перед началом и в ходе военных действий прошли грозные ливни, размывшие дороги и вызвавшие широкий разлив рек. До 80% дорог стали в первые дни войны непроходимыми. Все это создавало трудности для маневренных действий советских войск и сил, особенно флота и авиации. Для западного побережья Японского моря была характерна полоса туманов шириной 120–150 миль, а число туманных дней в июне — августе составляет 40–60%.

Таким образом, проведенные японским руководством мероприятия по мобилизации страны и вооруженных сил, а также условия Дальневосточного ТВД позволяли ему рассчитывать на упорный и длительный характер оборонительных действий против советских войск и сил и возможность не только удержать стратегически важные территории Маньчжурии и Кореи, но и, перейдя в контрнаступление, нанести противнику невосполнимый урон. А это, в свою очередь, призвано было создать условия для перевода сюда государственной инфраструктуры Японской империи в случае высадки в метрополии американских войск.

Планирование и подготовка советской кампании на Дальнем Востоке

Стремительное наступление советских войск на широких просторах Маньчжурии, в Северной Корее, на Сахалине и Курильских островах составило завершающую Дальневосточную кампанию Второй мировой войны, подведшую черту под полувековым этапом грабительских

войн и вооруженных конфликтов, которые вели японские милитаристы против народов Китая, Кореи, России и других стран Азиатско-Тихоокеанского региона.

Руководство СССР и Красной армии сделали все возможное для всесторонней подготовки советской группировки войск на Дальнем Востоке к началу войны против Японии, включая значительное ее усиление за счет имеющих боевой опыт войск, освободившихся на советско-германском фронте. В этих целях была проведена беспрецедентная по масштабам межтеатровая стратегическая перегруппировка войск и сил, потребовавшая привлечения к ее организации пристального внимания со стороны не только военных, но и гражданских партийных, советских и хозяйственных органов управления.

До усиления своих войск на Дальнем Востоке СССР располагал 30 дивизиями и 19 стрелковыми бригадами против 24 дивизий и 42 бригад японцев, находившихся только в Маньчжурии и Корее. При этом следует учитывать, что средняя численность японской дивизии составляла примерно 18 тыс. человек, а советской — не более 10 тыс. человек. Поэтому для обеспечения необходимого для ведения решительного наступления превосходства в силах требовалось перебросить на Дальний Восток дополнительно хотя бы 30 дивизий.

В конце сентября 1944 г. Генеральный штаб Красной армии приступил в соответствии с решениями Тегеранской конференции лидеров «большой тройки» к предварительным расчетам по сосредоточению и материально-техническому обеспечению войск на Дальнем Востоке, необходимых для вступления в войну против Японии¹⁵². К этому обязывала и предстоявшая в октябре 1944 г. встреча И. В. Сталина с премьер-министром Великобритании У. Черчиллем.

5 октября, накануне приезда Черчилля в Москву, Сталин получил от президента США Ф. Рузвельта письмо, в котором говорилось: «Я полностью принимаю те заверения по этому вопросу (войны против Японии. — *Прим. ред.*), которые Вы дали нам. Наши три страны ведут успешную войну против Германии, и, конечно, мы с не меньшим успехом можем объединиться в разгроме нации, которая является, я уверен, столь же большим врагом России, как и нашим»¹⁵³.

Во встречах, которые состоялись в октябре, принимала участие и американская сторона, но на уровне посла. На одном из заседаний 15 октября американский посол в СССР А. Гарриман и глава военной миссии США в Москве Дж. Дин поставили перед советским политическим и военным руководством следующие вопросы:

1. Через сколько времени после окончания войны с Германией русские объявят войну Японии?
2. Сколько времени понадобится русским, чтобы начать активные наступательные действия?
3. В какой мере Транссибирская магистраль может быть использована для накопления стратегических военно-воздушных сил?
4. Возможно ли в настоящее время заключить соглашение о создании русских стратегических военно-воздушных сил и обучении их личного состава при условии, что американский Объединенный комитет начальников штабов согласен выделить необходимые для этого самолеты?»¹⁵⁴

На следующий день союзники получили ответы на три первых вопроса. Они носили откровенный и исчерпывающий характер и обосновывались соответствующими расчетами. А последние строились исходя из того, что для переброски на Дальний Восток 30 дивизий необходимо было не менее тысячи воинских эшелонов. В то время Транссибирская магистраль могла пропустить в сутки 36 эшелонов, из которых 26 можно было отвести под военные грузы. Следовательно, для переброски 30 дивизий требовалось не менее 2,5–3 месяцев, после чего считалось возможным начать наступательные действия, но при условии, если западные союзники не позволят японцам усиливать войска, находившиеся в Маньчжурии и Корее. Однако и это было не все. Продолжительность военных действий против Японии советской стороной допускалась не более двух месяцев. Исходя из этого, на советско-американской встрече 17 октября 1944 г. были сделаны некоторые предварительные расчеты, суть которых сводилась к следующему: для обеспечения советской группировки войск (1,5 млн человек,

Главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский (слева) принимает доклад командующего 39-й армией генерала И. И. Людникова

На полевых учениях перед войной с Японией

5 тыс. самолетов, 3 тыс. танков и 75 тыс. автомашин) двухмесячным запасом продовольствия и другими видами материальных средств потребуются переброска более 860 тыс. тонн сухих и 206 тыс. тонн жидких грузов.

Каждый фронт должен был создать у себя следующие запасы: боеприпасов 3–5 боекомплекта (Забайкальский фронт — 4–5), авиабензина — 30 заправок, автобензина — 2, дизельного топлива — 10, продовольствия и фуража (суточных доз) — шестимесячная потребность, а на Северном Сахалине, Камчатке и Чукотке — годовые запасы продовольствия¹⁵⁵.

Обеспечение такого объема перевозок было не под силу Транссибирской магистрали в отведенные сроки, поэтому советский Генштаб просил, чтобы грузы были доставлены из США сверх ранее принятой программы снабжения по ленд-лизу, и не в Мурманск, а через Петропавловск-Камчатский во Владивосток. При удовлетворении этих просьб советская сторона изъявила готовность начать боевые действия против Японии примерно через три месяца после капитуляции Германии¹⁵⁶. Именно этими обстоятельствами объясняется то, что в соглашении, подписанном главами правительств СССР, США и Великобритании на Ялтинской конференции в феврале 1945 г., при подтверждении обязательств о вступлении Советского Союза в войну против Японии указывалось, что это может произойти лишь через два-три месяца после капитуляции Германии. Это был минимальный срок, необходимый для подготовки операции и переброски дополнительных сил и средств с Европейского театра военных действий на Дальний Восток. На Потсдамской (Берлинской) конференции в июле 1945 г. советская сторона еще раз подтвердила свое решение, что было встречено союзниками с удовлетворением¹⁵⁷.

Политическое и военное руководство СССР, безусловно, отдавало себе отчет в том, с какими трудностями придется столкнуться в ходе проведения столь крупной по размаху стратегической межтеатровой перегруппировки войск. Во-первых, перегруппировка началась в то время, когда еще не закончилась война с Германией, которая приковывала к себе главные силы советских войск. Во-вторых, предстояло перебросить на 9–12 тыс. км с соблюдением строжайших мер предосторожности и скрытности большие массы войск. В-третьих, осуществить это надо было в короткие сроки и в условиях слабо развитой железнодорожной и автомобильной сети на востоке страны¹⁵⁸. В-четвертых, не исключалась вероятность начала военных действий со стороны японцев против находившейся в стадии развертывания советской группировки войск.

В марте 1945 г., когда Генеральный штаб еще разрабатывал план войны против Японии, командующие войсками Дальневосточного фронта и Приморской группой войск (в последующем это были соответственно 2-й и 1-й Дальневосточные фронты) получили указание быть в полной боевой готовности к отражению возможного внезапного нападения японских вооруженных сил на Советский Союз¹⁵⁹. В директиве командующему войсками Забайкальского фронта маршалу Р. Я. Малиновскому также указывалось на реальную опасность перехода Квантунской группировки войск в наступление на территории Забайкалья и Монгольской Народной Республики с целью помешать сосредоточению войск фронта. В связи с этим Забайкальскому фронту предписывалось не допустить вторжения противника и прикрыть сосредоточение новых сил¹⁶⁰.

Перегруппировка войск и техники затруднялась и отсутствием необходимого опыта. А начинать преодолевать все эти и другие трудности надо было с увеличения пропускной способности Транссибирской железнодорожной магистрали. Это поставило перед советским военно-политическим руководством весьма непростую задачу: как при недостатке подвижных средств в короткие сроки, а главное — скрытно от противника осуществить массовую перевозку войск с запада на восток. 13 апреля 1945 г. Государственный Комитет Обороны принял постановление «Об улучшении работы железных дорог Дальнего Востока», в соответствии с которым был образован специальный округ железных дорог Дальнего Востока для руководства Восточно-Сибирской, Забайкальской, Амурской, Дальневосточной и Приморской железными дорогами. Начальником вновь образованного округа был назначен заместитель наркома путей сообщения В. А. Гарнык, к работе привлекались значительные

силы подготовленных железнодорожных кадров. Локомотивный парк на дорогах округа к 1 июля должен был составить свыше 3 тыс. паровозов.

В исключительно короткие сроки были проведены следующие мероприятия: завершено строительство кругобайкальского железнодорожного обхода Иркутск — Слюдянка, однопутной железнодорожной линии Комсомольск — Советская Гавань, автомобильной дороги Иркутск — Улан-Удэ; развиты Челябинский и Омский железнодорожные узлы; увеличена пропускная способность Омской, Томской и дальневосточных железных дорог; сооружены 13 дополнительных разъездов на однопутной железнодорожной линии Карымская — Борзя — Баин — Тумэн, служившей основной коммуникацией Забайкальского фронта, что в 2,5 раза повысило пропускную способность этого участка; подготовлены выгрузочные районы и развиты железнодорожные станции Борзя, Свободный, Березовский, Биробиджан, Гродеково и другие; через некоторые реки предусматривалось сооружение паромных железнодорожных переправ на случай возможного разрушения мостов; был разработан вариант использования Байкала в качестве водной коммуникации¹⁶¹.

Принимались и другие меры по обеспечению ритмичной работы транспорта с тем, чтобы повысить суточную пропускную способность некоторых участков дорог с 12 до 32 пар поездов: заменялись изношенные рельсы, сгнившие шпалы, укреплялось земляное полотно дороги, проходящей по берегу Байкала, ремонтировались аварийные тоннели, строились новые разъезды. На Амурской, Дальневосточной и Приморской железных дорогах формировалось дополнительно около 80 различных восстановительных поездов и летучек¹⁶². Ввиду того что Транссибирская магистраль являлась единственной железной дорогой, обеспечивавшей перевозку войск, вооружения, боеприпасов, техники и необходимых запасов материального снабжения для всех трех фронтов, Тихоокеанского флота и Амурской флотилии, она была передана в ведение Главного командования советских войск на Дальнем Востоке на всем протяжении от Иркутска до Владивостока. Руководство линейными и полевыми органами военных сообщений всех трех фронтов возлагалось на начальника военных сообщений оперативной группы тыла. Для фронтов были выделены отдельные железнодорожные участки, отвечающие от Транссиба.

Таким образом, в ходе развернувшейся перегруппировки войск сложилась довольно стройная система руководства и эксплуатации железных дорог, что, в свою очередь, позволило в целом справиться с задачей по ее осуществлению. Генеральный штаб, под непосредственным контролем которого происходила перегруппировка, принял жесткие меры по максимальному уплотнению загрузки эшелонов и сокращению для каждой перевозимой части количества подвижного состава.

Детальными расчетами по переброске войск на Дальний Восток Генеральный штаб начал усиленно заниматься, по свидетельству маршала А. М. Василевского, только после Ялтинской конференции, хотя довольно подробные указания о подготовке транспорта председатель Государственного Комитета Обороны дал наркому путей сообщения еще в январе 1945 г.¹⁶³ Перед осуществлением массовой переброски войск с запада на восток был проведен и ряд других важных и крайне необходимых мероприятий. Так, 14 марта 1945 г. ГКО принял решение усилить противоздушную оборону Дальнего Востока и Забайкалья. К концу апреля на Дальнем Востоке были развернуты три армии ПВО: Забайкальская, Приамурская и Приморская. В период перегруппировки они прикрывали железные дороги у района сосредоточения войск, а затем — тыл и войска фронта.

Общее руководство перегруппировкой осуществлялось с самого начала Ставкой Верховного главнокомандования, Генеральным штабом Красной армии, а также — на разных этапах и в пределах своей компетенции — командующим и штабом Военно-воздушных сил, органами Центрального управления военных сообщений, управлениями тыла вооруженных сил.

В конце февраля — марте 1945 г. Генеральный штаб утвердил планы по развертыванию войск на Дальнем Востоке и по их материально-техническому обеспечению. Средства материально-технического обеспечения стали перебрасываться на Дальний Восток с февраля¹⁶⁴.

В ночь на 1 апреля началась переброска по железной дороге полевого управления Резервного (бывшего Карельского) фронта. Специальный поезд был отправлен из Ярославля через Москву по маршруту Горький — Пермь — Свердловск — Хабаровск под личным контролем начальника Генерального штаба генерала А. И. Антонова. 13 апреля управление фронта прибыло к месту назначения в г. Ворошилов-Уссурийский и возглавило Приморскую группу войск, которая имела в то время в своем составе три общевойсковые (35-ю, 1-ю Краснознаменную, 25-ю) и одну воздушную (9-ю) армии. Командующим Приморской группой войск был назначен Маршал Советского Союза К. А. Мерецков, который имел богатый опыт организации и ведения операций в похожих условиях местности. Кроме того, он хорошо знал приморско-маньчжурское направление, так как ранее служил на Дальнем Востоке.

В конце апреля Ставка Верховного главнокомандования окончательно утвердила для перегруппировки номера армий, имевших опыт ведения боевых действий в условиях, сходных с Дальневосточным театром военных действий, а в первых числах мая началась их отправка на восток, хотя решение о широкой переброске соединений Государственный Комитет Обороны принял гораздо позднее — 3 июня.

Массовая перегруппировка войск началась переброской из Восточной Пруссии 5-й общевойсковой армии под командованием генерала Н. И. Крылова, который также хорошо знал условия Дальнего Востока. Кроме того, армия имела богатый опыт по прорыву и штурму укрепленных районов и, что немаловажно, по ведению боевых действий в лесистой местности. В общей сложности погрузка, следование по маршруту от Инстербурга через Каунас, Ярославль, Киров, Пермь, Свердловск, Омск до района выгрузки (110 км севернее г. Ворошилов), а также разгрузка заняли 50 суток (22 апреля — 10 июня)¹⁶⁵. Армии потребовалось 110 железнодорожных эшелонов. Всего в Приморскую группу войск прибыло из Восточной Пруссии, Чехословакии и Прикарпатья более 70 соединений и частей.

Гораздо большее количество войск поступило в состав Забайкальского фронта. Для переброски 39-й армии под командованием генерала И. И. Людникова из Восточной Пруссии потребовалось также 110 эшелонов и 56 дней. Начав погрузку 12 мая, соединения армии 4 июля завершили разгрузку и сосредоточились в районе монгольского г. Чойбалсан, где пополнялись личным составом, доукомплектовывались боевой техникой и вооружением. По мере готовности части и соединения армии своим ходом совершали марш на расстояние 250—330 км и к 16 июля развернулись в районе Тамцаг-Булака.

В состав Забайкальского фронта были также перегруппированы две армии из Чехословакии, имевшие большой опыт боевых действий в степной и горно-лесистой местности. Хорошо укомплектованной личным составом, боевой техникой и автотранспортом, боеприпасами и другими материальными средствами 53-й армии генерала И. М. Манагарова для перегруппировки потребовалось 120 эшелонов и 56 суток: погрузка заняла 20 дней (1—20 июня), с 30 июня по 26 июля эшелоны разгружались в районе г. Чойбалсан, откуда по мере прибытия направлялись своим ходом в районы сосредоточения. В среднем соединения армии находились в пути 30—40 суток при скорости движения эшелонов 200—265 км в сутки. Перегруппировка 6-й гвардейской танковой армии под командованием генерала А. Г. Кравченко также из Чехословакии сначала по железной дороге 92 эшелонами, а затем и своим ходом на расстояние до 300 км продолжалась 62 дня, в том числе девять суток колоннами по территории Монголии, преимущественно по ночам¹⁶⁶. К 21 июля в Читу прибыло полевое управление 2-го Украинского фронта под командованием маршала Р. Я. Малиновского. Руководящий состав полевого управления возглавил Забайкальский фронт.

Параллельно с перегруппировкой крупных объединений шел большой поток оперативных эшелонов с артиллерийскими, инженерными, танковыми соединениями и частями из Прибалтики, Восточной Пруссии, Польши, Германии, Чехословакии. Различные грузы поступали не только до начала кампании, но и в ходе уже начавшихся военных действий.

Таким образом, основная масса войск перебрасывалась с запада на восток в течение трех месяцев, начиная с мая 1945 г. За этот период по единственной Транссибирской железнодорожной магистрали на Дальний Восток из европейской части территории СССР на расстояние

Погрузка в порту артиллерийских частей, отправляющихся на фронт

Сосредоточение войск на границе с Маньчжурией

9–12 тыс. км было переброшено два фронтовых и четыре армейских управления, 15 управлений стрелковых, артиллерийского, танкового и механизированного корпусов, 36 стрелковых, артиллерийских и зенитно-артиллерийских дивизий, а также 53 бригады основных родов сухопутных войск, два укрепленных района, что составило в общей сложности 30 расчетных дивизий. Кроме того, прибыли управления 6-го бомбардировочного авиационного корпуса и пяти авиационных дивизий, поступили три корпуса ПВО территории страны.

Всего в период подготовки к войне с Японией на Дальний Восток и в Забайкалье поступило с запада около 136 тыс. вагонов с войсками и грузами, из них оперативные перевозки заняли около 85 тыс. вагонов (или 63%), снабженческие — более 50 тыс. (или 37%) вагонов¹⁶⁷. Темп оперативных перевозок с апреля по сентябрь составил в среднем около 10 эшелонов в сутки, причем с апреля по июль он постоянно возрастал и в июле достиг 22 эшелонов в сутки, а затем вновь резко упал до 10 эшелонов. Среднесуточные скорости движения воинских поездов на дальневосточных железных дорогах составляли для оперативных эшелонов 506 км в июле и 430 км в августе, для воинских транспортов — соответственно 351 и 326 км¹⁶⁸.

Одновременно осуществлялась и внутритеатровая перегруппировка войск по водным и железнодорожным магистралям Дальнего Востока, а также комбинированными маршрутами на расстояние до 250–500 км. Она охватила еще до 30 стрелковых, кавалерийских и танковых дивизий, включая кавалерию Народно-революционной армии Монгольской Народной Республики¹⁶⁹.

Авиационные соединения и части в Забайкалье и на Дальний Восток перебазировались двумя способами: перелетом бомбардировочных и транспортных авиачастей и перевозкой по железной дороге материальной части и летного состава истребительной и вспомогательной авиации, наземных частей и подразделений боевого и тылового обеспечения.

В общем объеме оперативных перевозок значительное место занимали многочисленные части и учреждения. Еще в начале марта 1945 г. начальник Генерального штаба согласился с предложением Главного военно-санитарного управления перебросить на Дальний Восток 348 различных медицинских частей и учреждений¹⁷⁰.

С учетом того, что планировалось применение большого количества бронетанковых войск, необходимо было дополнительно сосредоточить 95 ремонтно-эвакуационных частей¹⁷¹. Для материального и технического обеспечения войск к началу кампании на Дальневосточном театре было развернуто около 400 различных складов, в том числе ГСМ — 96, артиллерийских — 66, авиационных — 41. Из этого общего количества 70 складов различного назначения прибыли из разных районов страны по плану централизованных перевозок, в том числе складов ГСМ — 14, артиллерийских — 12.

Сравнительно большое место в общем плане перегруппировки сил и средств занимали снабженческие перевозки. Так, в течение мая — июля было использовано для перевозок 23 746 вагонов, из них по централизованному плану — 3495, внутривойсковые перевозки — 20 251.

Большое количество танков, САУ и самолетов-истребителей перебазировалось специальными эшелонами непосредственно с заводов Урала и Сибири. Значительная часть железнодорожных эшелонов из Прибалтики и центра страны направлялась на Дальний Восток круглым путем (через Турксиб) и по железным дорогам севернее и южнее Транссибирской магистрали до Новосибирска. Все это позволяло лучше регулировать поток оперативных эшелонов с войсками и боевой техникой, следовавших от Новосибирска до Владивостока¹⁷².

Крупные перевозки осуществлял морской транспорт, который в процессе подготовки операции перебросил 38 тыс. военнотехнических и около 180 тыс. тонн воинских грузов. По рекам Амурского бассейна были перевезены около 9 тыс. солдат и офицеров, 83 тыс. тонн воинских и 140 тыс. тонн импортных грузов¹⁷³. Импортные грузы доставлялись из Владивостока морскими судами в Николаевск, далее речными судами в Комсомольск или Хабаровск, откуда следовали по железной дороге.

В результате осуществленной перегруппировки советские войска на Дальнем Востоке были значительно усилены. В их состав дополнительно вошло свыше 100 соединений

различных родов войск, более 500 тыс. человек, 1500 танков, 840 САУ, 7500 артиллерийских орудий, 3600 минометов, 1400 боевых самолетов, а также почти 700 тыловых частей и учреждений¹⁷⁴.

Все мероприятия по перегруппировке войск и непосредственной подготовке их к операции проводились скрытно: к разработке планов операции привлекалось ограниченное число лиц; все внутрифронтовые перегруппировки осуществлялись только ночью; в районах сосредоточения и развертывания строго соблюдались меры маскировки войск и боевой техники; радиостанции вновь прибывших войск до утра 9 августа работали только на прием; режим мирного времени сохранялся на всем протяжении государственной границы. Однако скрыть такую мощную перегруппировку было практически невозможно, если учесть, что летом 1945 г. на Дальнем Востоке в движении на маршах, в эшелонах, на железнодорожных станциях находилось до 1 млн военнослужащих советских войск, десятки тысяч орудий, тысячи танков, автомашин и десятки тысяч тонн боеприпасов, горючего, продовольствия.

Пропустить такое мимо своего внимания японская разведка не могла. По свидетельству участника событий японского военного историка Т. Хаттори, «уже в марте 1945 г. штаб Квантунской группировки стал пристально наблюдать и добывать сведения о переброске русских по Транссибирской железной дороге и перелетах советских самолетов с запада на восток»¹⁷⁵. В докладе главнокомандующего Квантунской группировкой войск четырехзвездного генерала О. Ямады на имя императора указывалось: «Начиная с апреля по июль наблюдалась усиленная скрытная переброска советских войск с запада на Дальний Восток и подготовка их к проведению наступательной операции»¹⁷⁶. Но хотя японская разведка действовала активно, она, по показаниям пленных японских генералов и офицеров, не смогла выявить ни сроков, ни направлений главных ударов советских войск. И самое существенное — японское командование недоценило способность советских войск к быстрой перегруппировке на огромное расстояние в столь короткие сроки.

Вместе с тем, несмотря на огромные усилия, направленные на повышение пропускной способности транспортной сети восточноевропейских государств и некоторых участков Транссибирской магистрали с прилегающими к ней железными дорогами, ликвидировать узкие места в транспортном обеспечении перегруппировки до конца не удалось. Имели место большие скопления эшелонов с войсками и военной техникой в районах перехода на союзную колею на западе и в районах выгрузки, что снижало темпы и ритмичность перевозок.

И тем не менее по пространственному размаху, срокам осуществления и количеству переброшенных войск, вооружений, боевой техники и материальных средств это была беспрецедентная стратегическая перегруппировка. Осуществленные перевозки, по оценке главнокомандующего советскими войсками на Дальнем Востоке маршала А. М. Василевского, «не имели себе равных в истории Второй мировой войны и являлись поучительной стратегической операцией»¹⁷⁷. В результате проведенной перегруппировки боевой состав советских войск на Дальнем Востоке и в Забайкалье к началу боевых действий против Японии возрос почти вдвое. В итоге за неделю до открытия военных действий советская группировка войск была готова к операциям. И когда 7 августа поступила директива Ставки, требовавшая вступления в войну не 11 августа, как планировалось ранее, а 9-го, она не застала дальневосточников врасплох.

Следует подчеркнуть, что народное хозяйство страны обеспечило развернутую на Дальнем Востоке мощную группировку войск всем необходимым, а это дало возможность осуществить крупнейшую стратегическую наступательную операцию на нескольких разобщенных направлениях.

Цели вступления Советского Союза в войну были многогранны: обеспечение безопасности своих дальневосточных рубежей, не раз подвергавшихся угрозе со стороны Японии; четкое выполнение союзнических обязательств; стремление приблизить окончание Второй мировой войны, которая продолжала приносить народам неисчислимые страдания; желание оказать помощь трудящимся Восточной Азии в их освободительной борьбе; восстановление

исторических прав СССР на территории, ранее незаконно отторгнутые Японией. Немаловажное значение среди гуманных целей вступления СССР в войну, как говорилось в заявлении советского правительства, имело стремление сократить жертвы союзников и самого японского народа, которые были бы неизбежны в противном случае¹⁷⁸.

Планом военных действий Вооруженных сил СССР на Дальнем Востоке предусматривалось проведение Маньчжурской стратегической наступательной операции, Южно-Сахалинской наступательной операции, Курильской десантной операции и неосуществленной десантной операции по овладению северной частью острова Хоккайдо до линии, идущей от г. Кусиро до г. Румозэ.

К участию в разгроме японской группировки привлекались силы трех фронтов, Тихоокеанский флот, Краснознаменная Амурская военная флотилия, три армии ПВО территории страны — Забайкальская, Приамурская и Приморская и войска монгольской Народно-революционной армии во главе с маршалом Х. Чойбалсаном.

Состав объединений Красной армии насчитывал 33 управления корпусов, 131 дивизию и 117 бригад основных родов войск. Вдоль сухопутных границ СССР был развернут 21 укрепленный район. Общая численность дальневосточной группировки советских вооруженных сил выросла только за последние три месяца с 1185 тыс. до 1747 тыс. человек, а количество расчетных дивизий — с 59,5 до 87,5¹⁷⁹. На вооружении у них было 1 394 544 единицы основного стрелкового вооружения, 29 835 орудий и минометов, 5250 танков и САУ, 5171 боевой самолет, 93 боевых корабля основных классов, 58 800 грузовых автомашин и 10 993 трактора и тягача¹⁸⁰. Средняя укомплектованность личным составом всей группировки была доведена до 87,7% к их штатной численности. По видам вооруженных сил она достигала: в сухопутных войсках — 86,3%, в военно-воздушных силах — 89,7%, в военно-морских силах — 95,1% и в войсках ПВО страны — 93,6%¹⁸¹. Это была самая высокая укомплектованность советских войск за все годы Второй мировой войны.

Общее руководство военными действиями в Дальневосточной кампании осуществляло Главное командование советских войск на Дальнем Востоке во главе с Маршалом Советского Союза А. М. Василевским, замечательным военачальником, с июня 1942 г. возглавлявшим Генеральный штаб. Почти всю войну он провел в качестве представителя Ставки Верховного главнокомандования на действующих фронтах, координируя операции Красной армии против немецко-фашистских войск. Это позволило маршалу приобрести неоценимый опыт управления войсками, создало ему заслуженный авторитет среди солдат и офицеров. Однако наиболее полно полководческий талант А. М. Василевского раскрылся именно в кампании на Дальнем Востоке.

К началу военных действий здесь были сосредоточены 11 общевойсковых, одна танковая и три воздушные армии. Советские войска имели в готовности ударную группировку численностью более 1,7 млн человек, около 30 тыс. орудий и минометов, свыше 5200 танков и самоходных артиллерийских установок, более 5 тыс. боевых самолетов. В готовности к боевым действиям находились также корабли Тихоокеанского флота, которым на протяжении всей войны командовал адмирал И. С. Юмашев, и Краснознаменной Амурской флотилии под командованием контр-адмирала Н. В. Антонова¹⁸². От монгольской Народно-революционной армии в операциях участвовали четыре кавалерийские дивизии, бронебригада, танковый и артиллерийский полки, авиационная дивизия¹⁸³.

Для координации действий военно-морских сил на Тихоокеанском ТВД во Владивосток прибыл народный комиссар Военно-морского флота СССР адмирал флота Н. Г. Кузнецов. Действия авиации координировал командующий Военно-воздушными силами главный маршал авиации А. А. Новиков. Для руководства тылом советских войск, действовавших на Дальнем Востоке, была создана оперативная группа Управления тыла Красной армии под руководством генерала В. И. Виноградова. В состав этой группы были включены представители от центральных управлений: Управления военных сообщений, Главного автомобильного управления, Главного дорожного управления и ряда других служб. Оперативная группа подчинялась непосредственно главнокомандующему войсками на Дальнем Востоке.

Советские войска по численности личного состава на Дальнем Востоке ненамного превосходили японские, но они были значительно лучше оснащены в техническом отношении, чем войска противника. Квантунская группировка войск по количеству и качеству боевой техники многократно уступала советским войскам, сосредоточенным на направлениях главных ударов, в первую очередь это относилось к танковым войскам, которые сыграли выдающуюся роль в разгроме группировки противника.

В Маньчжурской стратегической наступательной операции Забайкальский, 1-й и 2-й Дальневосточные фронты имели 5250 танков и самоходно-артиллерийских установок. До этого такие мощные танковые группировки создавались лишь в Висло-Одерской и Берлинской наступательных операциях. Наибольшее количество танковых войск имел наносивший главный удар Забайкальский фронт. В танковую группировку этого фронта входили: танковая армия, две танковые дивизии, пять танковых, механизированная, броневая бригады, два отдельных танковых полка, три самоходно-артиллерийских полка, восемь отдельных танковых батальонов и 29 самоходно-артиллерийских дивизионов, насчитывавших 2359 танков и САУ¹⁸⁴.

Главной ударной силой Забайкальского фронта являлась 6-я гвардейская танковая армия генерала А. Г. Кравченко. В армию кроме танкового и двух механизированных корпусов входили две мотострелковые дивизии, две самоходные артиллерийские бригады, четыре отдельных танковых батальона и два отдельных самоходных артиллерийских дивизиона. Всего она имела 1019 танков и САУ, 1153 орудия и миномета, 188 бронемашин и 948 мотоциклов. По сути, это было механизированное армейское объединение¹⁸⁵.

В состав 1-го Дальневосточного фронта входили такие крупные силы танковых войск, как механизированный корпус, 11 отдельных танковых бригад, 12 танковых и самоходно-артиллерийских полков, 30 самоходно-артиллерийских дивизионов, насчитывавших 1974 танка и САУ.

2-й Дальневосточный фронт имел девять отдельных танковых бригад, несколько отдельных танковых батальонов и самоходных артиллерийских дивизионов, насчитывавших 917 танков и САУ¹⁸⁶.

Тихоокеанский флот СССР численно уступал японскому флоту, особенно в крупных надводных кораблях. Однако в период, предшествовавший началу военных действий против Японии, были проведены мероприятия по увеличению состава флота с учетом характера предстоявших действий. К августу 1945 г. Тихоокеанский флот получил свыше 100 новых кораблей, в том числе два крейсера, построенных на верфях Дальнего Востока.

За два с половиной месяца до начала военных действий на флот по ленд-лизу стали поступать корабли из США. К сожалению, из предусмотренных соглашением 280 кораблей к середине августа прибыло только 10 фрегатов, 36 тральщиков, 20 охотников за подводными лодками, 30 десантных судов и три плавучие мастерские¹⁸⁷.

Тихоокеанский флот располагал подготовленной системой базирования, в частности военно-морскими базами Владивосток (главная), Владимиро-Ольгинская, Петропавловск-на-Камчатке, Советская Гавань, Де-Кастри и другими.

В войну с Японией Тихоокеанский флот вступил, насчитывая около 460 боевых кораблей и катеров. Надводные силы флота имели: крейсеров — 2, лидеров — 1, эскадренных миноносцев — 12, сторожевых кораблей типа «Фрегат» — 10, сторожевых кораблей типа «Метель» — 6, сторожевых кораблей типа «Альбатрос» — 1, сторожевых кораблей типа «Дзержинский» — 2, мониторов — 2, минных заградителей — 10, тральщиков — 52, торпедных катеров — 204, больших охотников — 22, малых охотников — 27, десантных судов — 19. Подводные силы состояли из подводных лодок типа «Л» — 11, типа «Щ» — 37, типа «С» — 2, типа «М» — 28.

Противолодочная оборона флота, ее маневренные и позиционные средства имели 133 выпела специальных кораблей противолодочной обороны (больших и малых охотников, сторожевых катеров) и 27 кораблей, которые могли быть успешно использованы для противолодочной обороны, в их числе сторожевые корабли типа «Ф» — 10 выпелов, тральщики типа «АМ» — 12, тральщики типа «ВМС» — 5.

На Тихоокеанском флоте была сосредоточена третья часть всей ударной авиации ВМФ страны. Военно-воздушные силы флота состояли из трех полков бомбардировочной авиации, четырех полков штурмовой авиации, четырнадцати полков истребительной авиации, пяти полков разведывательной авиации и четырех полков минно-торпедной авиации.

Всего авиация Тихоокеанского флота насчитывала 1597 самолетов различных типов: истребителей — 669, бомбардировщиков — 201, торпедоносцев — 179, штурмовиков — 256, разведчиков — 208, транспортных самолетов — 7, учебных самолетов — 67 и др. Соотношение примерно один к одному ударной и истребительной авиации отражает общую направленность, существовавшую на Тихоокеанском флоте и выражавшуюся в органическом сочетании наступательных и оборонительных сил и средств.

Береговая оборона насчитывала 167 береговых батарей калибром от 45 мм до 356 мм. Они были распределены вдоль побережья так, что прикрывали подходы с моря к военноморским базам, особенно к главной базе. Расположение батарей позволяло одновременно эффективно использовать их и в системе противодесантной обороны. В этом отношении большое значение имели подвижные, в том числе железнодорожные батареи.

В состав Тихоокеанского флота кроме Северной Тихоокеанской военной флотилии входили Владивостокский морской оборонительный район и военно-морские базы со своими силами, военно-воздушные силы, соединения подводных лодок, отряд легких сил, соединения торпедных катеров и т. д.

Из перечисленного видно, что главными ударными силами флота являлись военно-воздушные силы и подводные лодки. Однако внушительен был и надводный флот, основную ударную мощь которого составляли торпедные катера. Обращает на себя внимание, что к началу войны в составе флота большой удельный вес по отношению к другим классам кораблей стал принадлежать тральщикам, вследствие чего Тихоокеанский флот теперь выгодно отличался от других флотов СССР.

Следует подчеркнуть, что с момента начала Великой Отечественной и до начала войны против Японии Тихоокеанский флот по личному составу почти полностью (на 91%) обновился¹⁸⁸. Вместе с тем в значительной степени был обновлен и корабельный состав. Поэтому к началу боевых действий флот испытывал недостаток подготовленных и обученных кадров, в результате из-за недостатка экипажей не удалось задействовать все новые самолеты. На малых кораблях-катерах в качестве командиров приходилось использовать старшин. С 9 августа по 3 сентября 1945 г. 34 старшины исполняли должности командиров катерных тральщиков.

Указанные трудности наряду со многими другими предъявляли к командованию и всему личному составу Тихоокеанского флота особые требования. Они заключались в том, чтобы своевременно внедрить на флоте и быстро освоить новую технику, оружие (радиолокацию, реактивные установки и т. д.) и новые формы и способы их применения. В результате проведенных мероприятий Тихоокеанский флот к началу войны против Японии был практически полностью подготовлен к решению предстоявших задач.

Участвовавшие в войне против японцев военно-воздушные силы в составе 9, 10 и 12-й воздушных армий имели следующие задачи: разгромить авиацию противника и завоевать господство в воздухе; надежно прикрыть главные группировки войск фронтов и тыловые объекты от налетов японской авиации; ударами по железнодорожным узлам, станциям, перегонам и эшелонам, а также по автоколоннам сорвать маневр резервами противника, не допустить их выдвижения к районам сражений; разрушением дотов, подавлением и уничтожением огневых средств и живой силы на поле боя поддерживать сухопутные войска при прорыве полосы укрепленных районов и развитии наступления в оперативной глубине; активными действиями по командным пунктам, штабам и узлам связи нарушать управление войсками противника; вести непрерывную воздушную разведку¹⁸⁹.

Перед Тихоокеанским флотом в соответствии со стратегическим замыслом ставилась задача надежно прикрывать наши порты и морские коммуникации и во взаимодействии с сухопутными войсками обеспечить окружение и разгром японских войск на маньчжурском

направлении, овладеть портами и военно-морскими базами противника в Северной Корее путем пресечения коммуникаций, связывавших их с Японией, и высадкой морских десантов. Одновременно тихоокеанцы должны были прочно оборонять Сахалин и полуостров Камчатку, в последующем совместно с сухопутными войсками очистить от японских войск Южный Сахалин и освободить Курильские острова. Кроме того, Тихоокеанскому флоту приказывалось не допустить действий японского флота против советского побережья и в случае необходимости совместно с сухопутными войсками и авиацией высадить десанты на территории собственно Японии (о. Хоккайдо).

Перед Амурской военной флотилией была поставлена задача содействовать войскам Красной армии в форсировании водных рубежей и в наступлении вдоль рек. Одновременно флотилия совместно с сухопутными войсками должна была пресекать попытки противника форсировать реки Амур и Уссури, обеспечивать по ним свои перевозки, по мере продвижения советских войск вдоль р. Сунгари осуществлять переправы войск и техники, уничтожать переправы и узлы сопротивления противника на приречных участках, а также его корабли¹⁹⁰. Флотилия насчитывала в своем составе четыре бригады речных кораблей, Сретенский отдельный дивизион кораблей, Ханкайский и Уссурийский отдельные отряды бронекатеров. Всего в строю находилось около 200 боевых кораблей разных классов, в том числе шесть мониторов, 11 канонерских лодок, 52 бронекатера, 12 тральщиков и другие корабли и суда. Авиация флотилии насчитывала 70 самолетов.

В связи с напряженной обстановкой на Дальнем Востоке в годы Великой Отечественной войны амурцы постоянно находились в повышенной боевой готовности к отражению возможного внезапного нападения японцев. Личный состав Амурской военной флотилии имел хорошую подготовку и высокую боевую выучку. Рядовой и старшинский состав в совершенстве овладел боевой специальностью и оружием. Офицеры — в большинстве своем с многолетним опытом службы на флотилии — прекрасно знали свои корабли, театр, тактику действий на реках, организацию взаимодействия с войсками, а также тактику противника. В целом Амурская военная флотилия по своей численности, качеству вооружения и подготовке значительно превосходила Сунгарийскую военную флотилию противника.

По первоначальному плану Верховного главнокомандования перед войсками и силами флота, развернутыми на приморском и маньчжурском направлениях, ставились оборонительные задачи, деятельность Амурской военной флотилии носила такой же характер. Задачи флотилии были сформулированы в директиве командующего войсками 2-го Дальневосточного фронта генерала М. А. Пуркаева от 25 апреля 1945 г. и сводились к следующему: содействовать войскам фронта в обороне речных рубежей на реках Амур и Уссури на участке Покровка — Губерово; с первых дней военных действий завоевать полное господство на реках Амур и Уссури и совместно с войсками фронта не допустить форсирования их противником; уничтожать или захватывать переправочные средства и речной транспорт противника; обеспечить на Амуре речные коммуникации от Ново-Троицкого до Фуюаня, а после очищения от противника правого берега реки — на всем судоходном плесе Амура, в первую очередь от Фуюаня до устья р. Сунгари, а также на Сунгари от устья до районов боевых действий передовых частей сухопутных войск по мере их продвижения.

В случае необходимости ведения наступательных действий флотилии ставились задачи: совместно с войсками 2-й Краснознаменной и 15-й армий захватить и удерживать отдельные острова на р. Амур, облегчающие свободу маневра кораблей флотилии; огнем корабельной артиллерии и высадкой десантов содействовать 388-й стрелковой дивизии в захвате района Фуюань; содействовать войскам 15-й армии в овладении ими районов Гайцзинских и Этушанских высот и района Тунцзян и в форсировании ими Амура, а также при благоприятных условиях помогать наступлению войск этой армии вдоль берегов Сунгари на Фугдин, ограждая ее фланги от действий речных сил противника огнем корабельной артиллерии и обеспечивая прорыв в тыл противника с высадкой тактических десантов; содействовать войскам 5-го стрелкового корпуса в форсировании р. Уссури, а затем поддерживать переправившиеся войска огнем корабельной артиллерии, охранять их фланги и тылы от атак

противника с реки; силами 3-й (Бурейской) бригады речных кораблей, дислоцирующейся в устье р. Бурей, содействовать войскам 2-й Краснознаменной армии при форсировании ими Амура на участке рек Бурей и Радде.

Замысел советской Дальневосточной кампании окончательно определился в апреле 1945 г. Сущность его состояла в том, чтобы одновременным вторжением советских войск из Забайкалья, Приморья и Приамурья в пределы Маньчжурии нанести сокрушительные удары Квантунской группировке войск и освободить от японских оккупантов и колонизаторов северо-восточные провинции Китая и Северную Корею. Замыслом предусматривалось нанести два глубоких встречных удара с территории Монгольской Народной Республики и советского Приморья, что ставило войска Квантунской группировки перед необходимостью вести оборону на два фронта, а также несколько вспомогательных ударов по сходящимся направлениям к центру Маньчжурии. Для изоляции Квантунской группировки войск от японских Экспедиционных сил в Китае и метрополии вспомогательные удары планировалось нанести на калган-бейпинском направлении к побережью Желтого моря и вдоль восточного побережья Северной Кореи. Затем в зависимости от достижения первоначальной цели, то есть разгрома группировки японских войск в Маньчжурии и Северной Кореи, намечалось освобождение Южного Сахалина и Курильских островов, а в случае продолжения японского сопротивления — высадка крупного десанта на Хоккайдо¹⁹¹.

План Дальневосточной кампании, разработанный в Генеральном штабе, 28 июня был утвержден Ставкой Верховного главнокомандования, Центральным комитетом ВКП(б) и Государственным Комитетом Оборона¹⁹². Не было достигнуто единого мнения лишь по вопросу о высадке десанта на остров Хоккайдо. 28 июня 1945 г. командующие войсками Забайкальского и Дальневосточного (будущего 2-го Дальневосточного) фронтов и Приморской группы войск (будущего 1-го Дальневосточного фронта) получили задачи Ставки.

Войска Забайкальского фронта под командованием маршала Р. Я. Малиновского должны были рассечь 3-й фронт японцев на две изолированные части, преодолеть пустынную степь, форсировать горный хребет Большого Хингана, стремительно выйти по кратчайшему направлению к жизненно важным районам Центральной Маньчжурии и, разгромив совместно с Приморской группой войск и Дальневосточным фронтом Квантунскую группировку японской армии, овладеть районом Чифын — Мукден — Чанчунь — Чжалантунь. Ставка требовала главный удар нанести силами трех общевойсковых и танковых армий в обход Холунь-Аршанского укрепленного района с юга в общем направлении на Чанчунь. Все армии предлагалось ввести на широком фронте. Соединения монгольской Народно-революционной армии, действовавшие в составе конно-механизированной группы генерала И. А. Плиева, ударом на Калган и Долоннор сковывали силы противника, занимавшие оборону на правом крыле фронта. Соединения левофланговой 36-й армии должны были овладеть Хайларским укрепленным районом, а остальными силами прочно оборонять государственную границу и быть в готовности наступать на хайларском направлении в обход Маньчжуро-Чжалайнорского укрепленного района. Соединения 6-й гвардейской танковой армии к десятому дню наступления закрепляли за собой перевалы через Большой Хинган и воспрещали подход резервов неприятеля из Центральной Маньчжурии¹⁹³.

Приморская группа войск под командованием маршала К. А. Мерецкова имела задачу осуществить вторжение в центральные районы Маньчжурии, совместно с войсками Забайкальского и Дальневосточного фронтов разгромить Квантунскую группировку войск и овладеть районом Харбин — Чанчунь — Сейсин¹⁹⁴. Главный удар войска группы должны были нанести силами двух общевойсковых армий (1-я Краснознаменная, 5-я), механизированного корпуса и кавалерийской дивизии. В целях обеспечения правого крыла войск Приморской группы и бесперебойной работы железной дороги на участке Хабаровск — Владивосток наступала 35-я армия в общем направлении на Мишань. С юга ударная группировка обеспечивалась войсками 25-й армии с последующим ее наступлением к портам Северной Кореи.

Выполнение поставленных Приморской группе войск задач должно было вывести основные ее силы навстречу Забайкальскому и Дальневосточному фронтам, рассечь 1-й японский

Погрузка торпеды на советскую подводную лодку

фронт и отбросить одну часть сил противника на север, а другую — на юг. Изоляция Квантунской группировки войск от Северной Кореи достигалась совместными действиями 25-й армии и кораблей Тихоокеанского флота с выходом к портам Северной Кореи.

Дальневосточный фронт под командованием генерала М. А. Пуркаева получил задачу форсировать реки Амур и Усури в районе Ленинское — Бикин и во взаимодействии с Амурской флотилией нанести главный удар вдоль Сунгари в направлении на Харбин, одновременно прочно прикрывая важные объекты на северном берегу Амура со стороны Маньчжурии и на побережье Татарского пролива с моря. В результате удара войска фронта должны были соединиться с частями Приморской группы войск, наступавшими на Харбин, и расцечь группировку противника в северо-восточной части Маньчжурии.

По достижении успеха на сунгарийском направлении войска фронта наносили вспомогательный удар из района Благовещенска на Цицикар, чтобы во взаимодействии с войсками левого крыла Забайкальского фронта расчлнить и уничтожить группировку противника в северо-западной части Маньчжурии. Кроме того, на Дальневосточный фронт возлагалась задача совместно с Тихоокеанским флотом освободить южную часть Сахалина. Следовательно, войска Дальневосточного фронта должны были нанесением ряда последовательных ударов разобщить приамурскую группировку противника, сковать ее и, не допустив отхода в центральную часть Маньчжурии, во взаимодействии с соседними фронтами окружить, расчлнить и уничтожить ее по частям в районах Харбин и Цицикар.

Таким образом, замысел этой крупнейшей по масштабам и стратегическим целям военной кампании СССР определялся с учетом особенностей и характера предстоящих военных действий. Выбор операционных направлений в Маньчжурской стратегической наступатель-

ной операции был обусловлен не только принятой формой ее ведения, но и своеобразием конфигурации государственной границы, характером группировки японских войск и системы их обороны. Замысел отличался исключительной целеустремленностью и настраивал войска фронтов на ведение решительных действий, обеспечивавших быстрый разгром Квантунской группировки войск. Нанесение двух встречных ударов позволяло в ограниченные сроки завершить окружение основных сил группировки противника.

Ставка ВГК стремилась претворить в жизнь свой замысел путем последовательного решения ряда задач. Прежде всего необходимо было быстро разгромить японские войска прикрытия, преодолеть труднодоступные горно-пустынную и горно-таежную полосы, а затем вывести главные силы трех взаимодействующих фронтов на рубежи, с которых можно было бы развить наступление на жизненно важные узлы обороны противника.

Подготовка к Дальневосточной кампании началась заблаговременно. Маршал А. М. Василевский вспоминал: «То, что мне придется ехать на Дальний Восток, я впервые узнал летом 1944 года. После окончания Белорусской операции И. В. Сталин в беседе со мной сказал, что мне будет поручено командование войсками Дальнего Востока в войне с милитаристской Японией... Как только закончилась Восточно-Прусская операция, я был отозван Ставкой с 3-го Белорусского фронта по должности заместителя народного комиссара обороны. 27 апреля я включился в работу над планом войны с Японией»¹⁹⁵. Практически же интенсивная подготовка к боевым действиям на Дальнем Востоке началась сразу после возвращения советской делегации с Крымской (Ялтинской) конференции в феврале 1945 г.

19 марта 1945 г. Ставка издала первую директиву по Дальневосточной кампании, в которой намечалось создание нового фронтового объединения южнее Хабаровска. Из состава Дальневосточного фронта была выделена Приморская группа войск, командующим которой стал маршал К. А. Мерецков, обладавший большим опытом прорыва укрепленных районов. В состав группы войск включались 1-я Краснознаменная, 25-я и 35-я общевойсковые армии, 10-й механизированный корпус и 9-я воздушная армия¹⁹⁶.

В Ставке ВГК понимали, что повышение активности в войсках Дальнего Востока могло привлечь внимание командования Квантунской группировки войск, и не исключено было обострение обстановки вплоть до нападения японской стороны на приграничные территории Советского Союза. Поэтому 26 марта 1945 г. войска Приморской группы и Дальневосточного фронта получили задачи, согласно которым они должны были противопоставить возможному нападению японцев мощную оборону на всех направлениях и участках соприкосновения с войсками Квантунской группировки. Согласно полученной директиве, войска Приморской группы во взаимодействии с Тихоокеанским флотом должны были упорной обороной не допустить вторжения противника на территорию Советского Союза, высадки и закрепления его на побережье от устья р. Тумень-Ула до мыса Сосунова и обеспечить сосредоточение новых сил в Приморье¹⁹⁷. При организации обороны особое внимание обращалось на обеспечение бесперебойной работы железных дорог на территории фронта и надежное прикрытие иминского, лесозаводского, спасского и ворошиловского направлений, а также районов Приморья, непосредственно примыкающих к Маньчжурии.

Не менее ответственные задачи были поставлены войскам Дальневосточного фронта. Во взаимодействии с Северной Тихоокеанской и Амурской военными флотилиями они должны были не допустить вторжения японцев в пределы СССР, а также высадки и закрепления их на побережье Татарского пролива, особенно в районах Советской Гавани, Сахалина, Камчатки, и обеспечить сосредоточение новых сил на Дальнем Востоке. Как и в Приморье, особое внимание обращалось на обеспечение работы железных дорог в пределах фронта, прочного прикрытия сквородинского, благовещенского, завитинского и архаринского направлений, а также районов Хабаровска, Николаевска-на-Амуре, Александровска-Сахалинского и Петропавловска-Камчатского¹⁹⁸.

Особенно интенсивно началась подготовка войск Дальнего Востока и сил флота к наступлению с получением фронтами директив на разгром Квантунской группировки вооруженных сил Японии. В соответствии с поставленными задачами вырабатывались и анализировались

решения. Все было направлено на то, чтобы разгромить противника в ограниченные сроки и с минимальными потерями. В ходе большой и кропотливой работы удалось найти такие варианты, которые должны были разрушить планы японского командования задержать советские войска в зонах укрепленных районов, а также на отрогах Большого Хингана. Были, например, изысканы возможности форсировать Большой Хинган войсками 6-й гвардейской танковой армии не на десятый день операции, как это предусматривалось замыслом, а не позднее пятого дня с начала наступления. В этой связи значительно сократились сроки выхода общевойсковых армий Забайкальского фронта в пределы Маньчжурской равнины. Так, 17-я армия должна была, преодолев Большой Хинган, захватить район Дабаньшан на пять дней раньше первоначально установленного срока¹⁹⁹.

Важное место в подготовке наступления отводилось преодолению укрепленных районов, особенно сплошной их зоны в Приморье. В войсках отработывались приемы прорыва железобетонных укреплений без предварительного их огневого разрушения, а ночью — с использованием разрывов и промежутков между опорными пунктами, узлами сопротивления и отдельными железобетонными сооружениями. Учитывались также такие моменты, когда гарнизоны дотов можно было уничтожить непосредственно в казармах.

Исходя из конкретных задач, на каждом направлении в состав ударных группировок включали фронтовиков, имевших соответствующий опыт. Так, соединения и части, имевшие опыт прорыва мощных укреплений, направлялись в состав 1-го Дальневосточного фронта, которому предстояло преодолеть сплошную полосу железобетонных укреплений, рассчитанных на длительное автономное выживание. И наоборот, войска, имевшие практику действий в горах, направлялись на Забайкальский фронт, так как ему предстояло преодолеть огромный горный массив Большого Хингана.

В отличие от Европы в Забайкалье в связи с наличием ограниченного количества железных дорог в целях своевременного вывода войск в исходные районы было принято выгружать прибывавшие с запада войска в 500–600 км от исходных районов и потом выдвигать их к линии фронта своим ходом.

Сложившаяся обстановка и своеобразие Дальневосточного ТВД обусловили необходимость проведения ряда мероприятий по обеспечению боевых действий бронетанковых войск, и прежде всего 6-й гвардейской танковой армии. На первом этапе выдвигения этой армии в исходные районы, находившиеся у границы между МНР и Маньчжурией, ее соединения и части совершили марш из района сосредоточения (у Чойбалсана) в выжидательный район (юго-восточнее Тамцаг-Булака) протяженностью 300–350 км. Через неделю на втором этапе они, пройдя 70–80 км, вышли в исходные районы для наступления (в 10–20 км от границы Маньчжоу-Го)²⁰⁰.

Механизированные корпуса армии следовали по трем-четырем маршрутам, один из которых предназначался только для движения танков и САУ. При высокой дневной температуре воздуха (до 40–50 С°) предпочтение отдавалось ночным маршам. Однако большая запыленность маршрутов затрудняла движение боевой техники в это время суток. В связи с этим перемещение соединений и частей происходило преимущественно в утренние и вечерние часы. Танковый корпус совершил переход в выжидательный район за трое, а механизированные корпуса — за двое суток²⁰¹.

Перед началом марша в район Тамцаг-Булака саперные подразделения организовали инженерную разведку маршрутов, а также расположенных около них водных источников. Это позволило установить состояние дорог и местности, определить необходимый объем работ на труднопроходимых участках, с тем чтобы обеспечить движение гусеничных и колесных машин. При совершении марша впереди главных сил соединений действовали отряды обеспечения движения. Поскольку все маршруты и колонные пути были заранее разведаны и улучшены, эти отряды кроме решения своих основных задач осуществляли и регулирование движения: выставляли посты, устанавливали различные указатели.

Важной задачей всех ремонтных подразделений в период подготовки танковой армии к боевым действиям являлось техническое обеспечение марша из района сосредоточения в

выжидательный район. С этой целью производились технический осмотр, обслуживание и необходимый ремонт материальной части, регулировка агрегатов и механизмов, дозаправка горючим и смазочными материалами.

Для ориентирования на местности, лишенной растительности и каких-либо объектов, использовались созданные по инициативе личного состава передовых частей небольшие насыпные курганы, различные пирамиды, которые были видны на значительном расстоянии.

Проведенный соединениями и частями марш стал своего рода проверкой работы всей боевой техники в суровых условиях пустынной и степной местности, при высокой температуре воздуха. Случаи выхода материальной части из строя по техническим причинам были крайне редки. Танки и колесные машины в основном останавливались из-за перегрева двигателей, быстрой засоряемости воздухоочистителей, выхода из строя гусеничного движителя у танков и колесных камер у автомашин.

Поскольку пустынно-степная местность существенно затрудняла маскировку войск, особое внимание уделялось обеспечению скрытности создания ударных группировок фронтов. Это достигалось путем последовательного (поэтапного) вывода и развертывания войск. Вначале соединения и части выводились из мест постоянной дислокации или станций выгрузки в районы сосредоточения, находившиеся, как правило, в 150 км и далее от государственной границы. В последующем войска под видом учений выводились в выжидательные районы, намеченные в 60–90 км от границы²⁰². В этих районах более двух недель войска усиленно готовились к наступлению применительно к условиям реальной обстановки. Выход ударных группировок в исходные районы наступления осуществлялся исключительно ночью. Подобным образом шло развертывание ударных группировок 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов. Однако закрытая местность позволила им максимально приблизить выжидательные районы к обороне противника и сократить до минимума сроки выхода из них в исходные районы для наступления.

В соответствии с задачами фронтов планировалось боевое применение авиации. 9-я воздушная армия главные усилия бомбардировочной и штурмовой авиации направляла на разрушение долговременных оборонительных сооружений и поддержку войск на поле боя, поскольку 1-му Дальневосточному фронту необходимо было прорвать мощную полосу укрепрайонов. Основные силы 12-й воздушной армии Забайкальского фронта нацеливались на уничтожение подходящих резервов, дезорганизацию железнодорожных и автомобильных перевозок, содействие стремительному продвижению 6-й гвардейской танковой и общевойсковых армий в глубину Маньчжурии. Соединения 10-й воздушной армии концентрировали свои усилия на поддержке войск 2-го Дальневосточного фронта при форсировании Амура и наступлении на сунгарийском направлении²⁰³.

Учитывая большой объем и сложность стоявших перед авиацией задач, Ставка ВГК в июле 1945 г. усилила воздушные армии двумя бомбардировочными авиационными корпусами, а также истребительной и двумя транспортными авиационными дивизиями, перебросенными с Западного ТВД²⁰⁴. Для соединений и частей, прибывших с запада, подготовительный период продолжался 15–20 дней.

В подготовительный период авиационные части, соединения и объединения, постоянно дислоцировавшиеся на востоке, переводились на штаты военного времени и доукомплектовывались. В результате численность их личного состава значительно увеличивалась: например, в 12-й воздушной армии она возросла на 42%. Одновременно осуществлялось перевооружение: самолеты устаревших образцов заменялись новыми машинами — Як-9, Ла-7, Ил-10, Ту-2. Много внимания уделялось изучению боевого опыта, полученного в Великой Отечественной войне²⁰⁵.

В этот период осуществлялась перегруппировка авиационных частей и соединений. В большей мере это коснулось 12-й воздушной армии, которая располагалась далеко от районов предстоящих действий — в Забайкалье и Монгольской Народной Республике. Чтобы улучшить условия базирования, за 20 дней до начала боевых действий армия переместилась на промежуточные аэродромы (Чойбалсан, Тамцаг-Булак и др.), располагавшиеся в 90–200 км

от границы МНР с Маньчжурией и в 210—300 км от участков прорыва обороны. За один-два дня до начала операции авиационные части и соединения передислоцировались на передовые аэродромы, все самолеты рассредоточивались и маскировались. Кроме действующих была создана широкая сеть ложных аэродромов, на них устанавливались макеты авиационной техники и имитировалась боевая подготовка летных частей. Все это способствовало достижению внезапности применения крупных сил авиации²⁰⁶.

В ходе непосредственной подготовки к совместным военным операциям штабы воздушных армий совместно со штабами фронтов и общевойсковых и танковой армий разработали планы взаимодействия авиации и сухопутных войск по задачам, времени и рубежам, подготовили единый код для топографических карт, составили радиосигнальные и переговорные таблицы, наметили сигналы взаимопознавания. Наиболее важные вопросы совместных боевых действий авиации и сухопутных войск при прорыве полосы укрепрайонов уточнялись на военных учениях, играх и групповых упражнениях.

Тщательно отработывалось взаимодействие между 12-й воздушной и 6-й гвардейской танковой армиями. Для поддержки и прикрытия с воздуха подвижных войск выделялись 245-я истребительная, 248-я и 316-я штурмовые авиадивизии. Руководство этими соединениями возлагалось на оперативную группу во главе с заместителем командующего 12-й воздушной армией генералом Д. П. Галуновым. Группа и штаб 6-й гвардейской танковой армии разработали план взаимодействия, в котором в соответствии с задачами механизированных и танковых корпусов определялись действия по рубежам, объектам и времени сил авиационной поддержки, танков, мотопехоты и самолетов. Командиры штурмовых авиадивизий полковники И. Б. Савельев и А. А. Ерохин со своими оперативными группами выехали на командные пункты командиров механизированных корпусов. Они располагали радиостанциями, которые использовались для связи с генералом Д. П. Галуновым, находившимся на командном пункте командующего танковой армией, а также для управления авиационными подразделениями в воздухе и на аэродромах. Представители от взаимодействующих авиадивизий были направлены в передовые отряды и головные бригады механизированных и танковых корпусов с задачей непрерывно поддерживать радиосвязь со своими командирами, передавать заявки танкистов на вызов авиации, наводить самолеты на наземные цели, информировать экипажи о наземной и воздушной обстановке в районе боевых действий.

Сложные условия Дальневосточного ТВД требовали от летного состава интенсивной подготовки к предстоящим боям. Изрезанный причудливый рельеф больших лесных и горных массивов, огромные степные пространства и выжженные солнцем пустыни сильно затрудняли ориентировку с воздуха. Чтобы обеспечить точный выход экипажей на цель, в авиационных частях и подразделениях организовывалось изучение районов базирования и боевых действий по картам различных масштабов с облетом местности на транспортных самолетах. В прибывшие с запада полки выделялись летчики-лидеры из частей, постоянно дислоцировавшихся на Дальнем Востоке. Для облегчения самолетовождения была создана система контрольно-опознавательных знаков, которые устанавливались на вершинах сопков в 3—6 км от государственной границы, а также на наиболее важных дорогах. Накануне боевых действий средства наземного обеспечения самолетовождения (радиопеленгаторы, светомаяки, приводные радиостанции) перебазировались на передовые аэродромы.

Большое значение приобретала в этих условиях воздушная разведка. За месяц до начала наступления самолеты-разведчики, пролетая над своей территорией вдоль границы, произвели перспективную аэрофотосъемку территории Маньчжурии на глубину 25—30 км. Это помогло вскрыть систему обороны врага, наметить участки прорыва и направления нанесения ударов, выбрать места для форсирования рек, уточнить объекты действий авиации и артиллерии²⁰⁷.

Сложной проблемой оказалась организация аэродромного и материально-технического обеспечения боевых действий авиации. Тяжелые климатические и природные условия, отсутствие на ряде направлений населенных пунктов, источников водоснабжения, развитой сети дорог весьма затрудняли базирование частей, усложняли работу их тыла. В горных

районах, например, трудно было найти площадку для строительства аэродромов, да к тому же со взлетно-посадочной полосой увеличенных размеров, поскольку этого требовала значительная высота местности над уровнем моря. В пустынной восточной части Монголии почти не было водных источников и топлива, поэтому батальоны аэродромного обслуживания возили с собой не только горючее, боеприпасы и продовольствие, но и запасы воды, дров.

Большой и сложный объем работы тыла ВВС потребовал от Ставки ВГК усиления воздушных армий авиационно-техническими соединениями и частями, прибывавшими с запада. Для поиска аэродромов на освобождаемой от противника территории заблаговременно создавались рекогносцировочные группы. Им выделялись самолеты связи и транспортные²⁰⁸.

В соответствии со сложившейся оперативной обстановкой на театре и задачами, поставленными Ставкой ВГК, Тихоокеанский флот с начала войны разворачивал боевые действия на нескольких операционных направлениях: на приморском — по содействию войскам 1-го Дальневосточного фронта, наступавшим в направлении Северной Кореи; на южно-сахалинском и курильском — по содействию войскам Красной армии в освобождении от японцев Южного Сахалина и Курильских островов; на коммуникациях противника — с целью лишения его возможности снабжать свою армию в Маньчжурии морским путем.

По мере приближения срока начала военных действий перед Военным советом Тихоокеанского флота все острее вставали проблемы, решение которых было связано с определенными ограничениями и сложностями. Так, для проведения многих мероприятий требовались продолжительные сроки, а заблаговременное их начало могло нарушить скрытность подготовки к войне против Японии. К подобным проблемам относились, например, изменение режима судоходства, развертывание подводных лодок, проведение мобилизации. В частности, Военный совет Тихоокеанского флота решил провести предварительное развертывание подводных лодок до начала военных действий и осуществить немедленную передачу пограничных кораблей в полное подчинение флоту, о чем запросил разрешения народного комиссара ВМФ. Однако в связи с тем, что внезапно уделялось первостепенное значение, на все запросы были получены отрицательные ответы. И все же развертывание сил флота началось за несколько часов до начала собственно военных действий.

В 1 час 45 минут 8 августа в штабе флота была получена шифрограмма маршала А. М. Василевского, в которой указывалось, что военные действия начнутся в 18 часов 8 августа по московскому времени, или в 1 час 9 августа по хабаровскому времени.

В 2 часа 8 августа начальник Главного морского штаба адмирал С. Г. Кучеров прислал предписание флоту перейти на оперативную готовность № 1, развернуть подводные лодки согласно плану, но с учетом границ операционных зон между Тихоокеанским флотом и ВМС США, произвести отмобилизацию судов гражданских наркоматов и включить в состав флота корабли и суда пограничной охраны. В 2 часа 30 минут было отдано приказание о переводе на оперативную готовность № 1 соединений и частей корпуса ПВО.

В 3 часа 20 минут на ТОФ поступила директива Ставки Верховного главнокомандования, предписывавшая перейти на оперативную готовность № 1; приступить к постановке оборонительных минных заграждений; прекратить одиночное судоходство; развернуть на морском театре подводные лодки²⁰⁹. В 3 часа 27 минут 8 августа было отдано приказание, подписанное командующим флотом И. С. Юмашевым и членом Военного совета С. Е. Захаровым, о переходе на оперативную готовность № 1 «без шума и суеты», а в 3 часа 50 минут оно было передано в части, соединения и объединения флота. В 6 часов 45 минут была введена в действие логия военного времени, в 7 часов 25 минут получена шифротелеграмма о начале минных постановок, еще через пять минут по всем частям и кораблям Тихоокеанского флота был дан сигнал оповещения, разрешавший применять оружие.

Обращают на себя внимание чрезвычайно короткие сроки, отводимые на проведение сложных и разнообразных мероприятий. Это определялось стремлением достигнуть внезапности начала действий. Но при проведении их в жизнь от исполнителей требовались высокая оперативность, организованность и четкость.

В соответствии с директивой главкома А. М. Василевского флот начал производить оперативное развертывание, которое осуществлялось с учетом реальной дислокации сил противника на морском театре. С объявлением на флоте оперативной готовности № 1 Военный совет в полном составе перешел на береговой флагманский командный пункт, управление силами флота с которого на всем протяжении войны носило централизованный характер и отличалось высокой профессиональностью и четкостью.

С самого начала развертывания пристальное внимание обращалось на оборону баз и сил флота. 8 августа минные заградители, тральщики и другие корабли приступили к постановке оборонительных минных заграждений на подступах к Владивостоку и другим военно-морским базам для защиты их с моря на случай атаки японского флота. Своевременно выставленные оборонительные минные заграждения явились одной из причин отказа японского командования, имевшего в своем распоряжении достаточно сильный флот, от использования его для нанесения ударов по военно-морским базам советского Тихоокеанского флота. Всего в период с 8 по 10 августа в оборонительных минных заграждениях было выставлено 1788 мин и 170 минных защитников²¹⁰.

Наряду с постановкой минных заграждений на подступах к военно-морским базам развертывались корабельные дозоры, организовывалась систематическая воздушная разведка. Над главной базой было установлено патрулирование истребителей, часть самолетов находилась в немедленной готовности к вылету; на остальных базах патрулирование производилось в период утренних и вечерних сумерек.

В 15 часов 15 минут 8 августа началось развертывание подводных лодок на заранее назначенных для них позициях. Одновременно в море вышли 12 подводных лодок²¹¹. Отряд легких сил в составе двух крейсеров, лидера, десяти эскадренных миноносцев и двух миноносцев был приведен в полную боевую готовность и находился в районе главной базы Владивостока в бухте Новик и проливе Босфор Восточный.

Военно-воздушные силы флота в основном оставались на аэродромном узле Владивостока. Некоторые части авиации флота перебазировались на прибрежные аэродромы в районах Великая Кема, Гроссевичи и других, откуда они могли вылетать на прикрытие прибрежных коммуникаций и сил флота в море.

В 16 часов 05 минут 8 августа командование Тихоокеанского флота доложило главнокомандующему советскими войсками на Дальнем Востоке маршалу А. М. Василевскому и в Главный морской штаб о том, что флот перешел на оперативную готовность № 1, произвел рассредоточение, приступил к постановке минных заграждений в районах Владивостокского морского оборонительного района и Северной Тихоокеанской флотилии.

В качестве основных сил для решения главной задачи по нарушению морских сообщений противника в Японском море и в проливной зоне было намечено привлечь авиацию и подводные лодки. В конечном пункте важнейшей линии японских коммуникаций — у берегов Северной Кореи эти задачи могли эффективно решать и торпедные катера.

Обеспечение форсирования Амура войсками 2-го Дальневосточного фронта и содействие их наступлению в ходе Сунгарийской и Сахалянской операций, возложенные Ставкой ВГК на Амурскую военную флотилию, представляли собой сложную задачу. Выполнять ее предстояло в непростых навигационных условиях. В результате прошедших в июле — августе ливневых дождей на Амуре и его притоках образовался на редкость большой паводок, и оказались затоплены многие прибрежные районы. Напряженность в деятельности флотилии возрастала также в связи с тем, что в сложившейся обстановке армейскому командованию пришлось крайне ограничить применение своих табельных переправочных средств и спешно определять ряд новых участков форсирования и мест переправ.

На важнейших направлениях вдоль государственной границы СССР с Маньчжурией, пролежавшей преимущественно по Амуру и Уссури, противник создал сильные укрепленные районы. Главными из них были: Сахалянский (против Благовещенска), Цикэйский (140 км ниже Благовещенска), Сунгарийский (прикрывавший вход в Сунгари) и Фуцзиньский (в 70 км от устья Сунгари), защищавший подступы к Харбину. Укрепленные районы пред-

ставляли собой связанные ходами сообщения узлы сопротивления и опорные пункты, основу которых составляли доты, дзоты и железобетонные сооружения. На Фуцзинь и Цзямысы базировалась Сунгарийская речная флотилия²¹².

В 3 часа 30 минут 7 августа Амурская военная флотилия, находившаяся до этого в четырехчасовой готовности к боевым действиям, получила приказ генерала М. А. Пуркаева начать развертывание. Через 25 минут он был передан во все части и соединения флотилии, которые в ночь на 8 августа перешли на повышенную оперативную готовность и к исходу 8 августа в соответствии с оперативным планом сосредоточились в заранее указанных пунктах. Развертывание флотилии было произведено в намеченные сроки. Прибыв в назначенные пункты, командиры соединений флотилии связались с командирами взаимодействующих сухопутных частей и доложили о готовности к выполнению поставленных задач.

К 9 августа соединения флотилии были сосредоточены: 1-я и 2-я бригады речных кораблей — на р. Амур; 3-я бригада речных кораблей — на р. Уссури; Зее-Бурейская бригада речных кораблей — на реках Зея и Шилка; Уссурийский отдельный отряд бронекатеров — в районе слияния рек Уссури и Сунгари; Ханкайский отдельный отряд бронекатеров — на озере Ханка²¹³.

Согласно плану Маньчжурской стратегической наступательной операции войска 2-го Дальневосточного фронта должны были наносить по Квантунской группировке войск рассекающие удары с севера на юг с целью расчленения ее на части с последующим окружением обороняющегося противника, уничтожением либо пленением его. В соответствии с этим планом командующий войсками фронта генерал М. А. Пуркаев принял решение нанести рассекающие удары по японской группировке силами 2-й Краснознаменной и 15-й армий и 5-го стрелкового корпуса по двум операционным направлениям — сахалинскому и харбинскому (сунгарийскому). 2-я Краснознаменная армия, сосредоточенная в районе Благовещенска, должна была при содействии Зее-Бурейской бригады речных кораблей форсировать Амур и нанести удар по укрепленному японцами району Сахалин — Цикэ, а после овладения им развивать наступление на Цицикар²¹⁴. 15-я армия, развернутая на левом берегу Амура, между устьем р. Сунгари и Хабаровском, должна была при содействии 1-й и 2-й бригад речных кораблей форсировать Амур и затем развивать наступление вдоль р. Сунгари на Харбин²¹⁵. Вспомогательный удар на харбинском направлении наносил 5-й стрелковый корпус, сосредоточенный на правом берегу нижнего течения Уссури. Переправу войск 5-го стрелкового корпуса через реку в районе Дунань — Жаохэ обеспечивали 3-я бригада речных кораблей и отдельный отряд бронекатеров, развернутый на р. Уссури.

Важную роль в осуществлении качественной подготовки советских войск к военным действиям на Дальнем Востоке сыграли и пограничные войска. С апреля 1945 г. до начала наступления войска дальневосточных приграничных округов наряду с добыванием данных для обеспечения надежной охраны границы в интересах военного командования обобщали и уточняли собранные за несколько прошедших лет материалы о наличии и дислокации частей и соединений противника в приграничной полосе, их вооружении, моральном состоянии, местонахождении оборонительных сооружений, их характере, подходах к ним и многом другом, а затем направили эти сведения в штабы фронтов. Добытые пограничными войсками данные наиболее реально отражали положение в сопредельной пограничной полосе и представляли значительную ценность для военного командования.

Приморский пограничный округ, например, составил для 1-го Дальневосточного фронта описание всех восьми японских укрепленных районов, расположенных перед участком округа, а также передал сведения о крупных оборонительных работах в районе г. Тумьнь и перегруппировке вражеских войск на рубеже рек Мулинхэ и Муданьцзян.

В процессе непосредственной охраны государственной границы пограничники осуществляли не менее ответственную задачу — пресечение шпионско-диверсионных действий японских разведорганов, стремившихся любыми способами вскрыть замысел нашего военного командования, установить цели и задачи перегруппировки, численность и построение советских войск на Дальнем Востоке, степень их готовности и сроки начала наступательных операций. При этом учитывалось, что японская разведка, пытаясь через засылаемую агентуру

установить количество перебрасываемых на Дальний Восток войск и военной техники, уделяла особое внимание Транссибирской железнодорожной магистрали. Так, только в район расположения войск 2-й Краснознаменной и 15-й армий в июне — июле японцы забросили восемь агентурных групп. Энергичные и умелые действия пограничников сорвали планы противника. Всего же в первом полугодии 1945 г. шпионов и диверсантов было задержано почти в три раза больше, чем за тот же период предыдущего года, а за июль и восемь дней августа — почти столько же, сколько за все первые шесть месяцев 1945 г.²¹⁶

В соответствии с планами военного командования пограничники участвовали в мероприятиях по дезинформации противника и маскировке советских войск. На государственной границе поддерживался режим мирного времени. Передвижение автотранспорта и крупных подразделений в восьмикилометровой приграничной полосе разрешалось только ночью при соблюдении полной светомаскировки. Личный состав полевых войск был ознакомлен с правилами пограничного режима и с местностью. Таким образом, пограничные войска в определенной мере способствовали достижению скрытности сосредоточения и развертывания войск Красной армии, подготовки их к наступательным действиям.

При развертывании сил и организации военных операций советское командование должно было считаться с тем, что Дальневосточный театр делился на зоны действий сухопутных войск, военно-воздушных и военно-морских сил СССР и США с обязательством союзников координировать операции между собой. Зоны действий вооруженных сил США и Советского Союза были установлены еще на Потсдамской конференции²¹⁷.

Разграничительная линия проходила: в Японском море по линии мыс Болтина (на побережье Кореи и до 90 км южнее Сейсин); точка Ш — 40 градусов северная и Д — 135 градусов восточная; точка Ш — 45 градусов северная и Д — 140 градусов восточная; откуда линия шла по параллели 45 градусов 45 минут северной широты до линии, соединяющей мыс Крильон (на южной оконечности Южного Сахалина) с мысом Соя-Мисаки (на северной оконечности острова Хоккайдо). К северу от этой границы должны были действовать корабли и авиация Советского Союза, к югу от нее — военно-морские силы и авиация США. Эта граница служила разграничительной линией для действий надводных кораблей, подводных лодок и авиации.

Охотское море было объявлено зоной совместных действий военно-морских флотов и авиации США и Советского Союза, и боевая деятельность сил должна была вестись здесь по согласованности.

В Беринговом море назначалась зона совместных действий Тихоокеанских флотов СССР и США, ограниченная с севера, востока и юга линией, проходящей от мыса Дежнева до острова Диомид и далее, вдоль границы территориальных вод СССР и США до параллели 51 градус северной широты, затем через точки Ш — 50 градусов 35 минут северной и Д — 157 градусов восточной; точка Ш — 49 градусов 50 минут северной и Д — 13 градусов 20 минут восточной и до параллели 49 градусов 50 минут северной широты до 4-го Курильского пролива. Остальная часть Берингова моря, равно как и прилегающие районы Тихого океана, должны были являться зоной действия ВМС США.

Это создавало много неудобств, и в первую очередь для Тихоокеанского флота СССР. В Японском море разграничительная линия проходила на расстоянии всего 100–120 миль от советских берегов, а в Беринговом — местами 15–20 миль. Это исключало возможность действовать на всю оперативную глубину противника, не позволяло эффективно использовать подводные лодки у его побережья и баз на всем морском театре военных действий, создавало большие трудности при ведении оперативной разведки. Кроме того, ограничение района плавания сил Тихоокеанского флота расширяло возможности противника и позволяло значительным силам его флота внезапно появляться у наших берегов, что создавало угрозу не только Тихоокеанскому флоту, но и приморскому флангу войск 1-го Дальневосточного фронта.

Верховное главнокомандование СССР, давая согласие на установление подобной разграничительной линии, видимо, исходило из того, что военно-морские силы США будут активно содействовать наступательным операциям советских вооруженных сил. Однако с вступлением Советского Союза в войну против Японии вооруженные силы США практически

прекратили военные действия, если не считать некоторую активность американских военно-воздушных сил. Развитие военных действий потребовало внести некоторые изменения в прохождении линии разграничения, что не противоречило советско-американским договоренностям в Потсдаме. В частности, на юге, в Корее, она была перенесена с 40-й параллели северной широты на 38-й градус, а на севере — восточнее Курильских островов²¹⁸. Что касается деятельности американских ВВС, то она часто создавала дополнительные трудности, даже препятствия действиям советского флота. Так, непосредственно перед началом военных действий Вооруженных сил СССР американская авиация без предупреждения произвела в операционной зоне советского флота на подходах к Сейсину и Расину массовые постановки донных, магнитных и различного вида акустических мин. Позднее, при освобождении портов Северной Кореи и их использовании наши корабли и транспорты стали подрываться на минах; советское командование во избежание лишних жертв запросило у американцев данные о характере выставленных ими минных заграждений и, главное, координаты минных полей²¹⁹.

Министерство военно-морских сил США сообщило, что у Сейсина выставлено 200, а у Расина — около 270 донных, магнитных и акустических мин с комбинированными взрывателями. Предварительные сведения о тактико-технических характеристиках выставленных мин показывали, что траление магнитных и акустических мин могло производиться имеющимися на Тихоокеанском флоте средствами. Что касается гидроакустических мин, то, по сообщению морского министерства США, средства борьбы с ними не существовало. По вопросу о местах выставленных мин американцы ответили, что постановка производилась армейской авиацией и поэтому морское министерство не располагает точными координатами минных полей.

Перед самым окончанием военных действий американцы еще дважды давали дополнительные сведения о местах, где они ставили мины, а затем о том, какие мины и сколько было выставлено. В результате обобщенных данных получалась довольно безотрадная картина: американские мины находились везде, где действовали или должны были действовать в дальнейшем корабли советского Тихоокеанского флота, а не было американских мин там, где хотя бы временно пребывали американские корабли, и в зоне американской оккупации. Так, в районе Гензан — Канан были выставлены 164 магнитные акустические мины, в районе залива Гейдзицу (между широтами 35 градусов 50 минут и 36 градусов 15 минут) — 38 магнитных акустических мин. 195 магнитных акустических мин и мин с гидродинамическими и магнитными взрывателями было выставлено в районах Цусимского пролива. Сообщалось также, что американцы не ставили мины в районах Сахалина, пролива Лаперуза, западного побережья острова Хоккайдо и Курильских островов, то есть именно в тех районах, где действовали американские подводные лодки²²⁰. Однако когда сведения о проведенных американцами минных постановках были получены, военные действия, как уже говорилось, подходили к концу. К этому времени на американских минах Тихоокеанский флот понес в кораблях и людях потери, которые можно было избежать.

Сложные проблемы стояли перед советским командованием в плане моральной подготовки войск и сил флота к участию в новой войне. Необходимо было до предела уставших от многолетней войны людей мобилизовать на решение новых задач, о которых открыто говорить пока не разрешалось. Партийно-политическая работа велась с учетом специфики боевой деятельности войск в новых условиях и составляла необходимый элемент подготовки к наступательной операции.

На Дальний Восток было направлено более 3 тыс. политработников-фронтовиков, а значительная часть политработников-дальневосточников прошла стажировку в действующей армии на советско-германском фронте²²¹.

Вполне закономерным в тех условиях являлось то, что первостепенное значение придавалось росту численности и правильной расстановке коммунистов и комсомольцев. Это способствовало повышению боеспособности партийных и комсомольских организаций и частей. Только за май — июнь 1945 г. в войсках Забайкальского и Дальневосточного фронтов были приняты в партию свыше 28 тыс. солдат и офицеров. Число коммунистов за три месяца в войсках фронтов увеличилось почти на 140,9 тыс., а членов ВЛКСМ — на 114,4 тыс. человек. К началу боевых действий их было 989 тыс. человек, то есть почти 57% всего личного состава²²².

Морально-психологическая подготовка личного состава к вступлению в войну против Японии командирами и политорганами всех звеньев проводилась продуманно до мелочей и в тесной связи с организациями ВКП(б) Хабаровского и Приморского краев. Она проходила как бы в два этапа. На первом этапе, который начался в апреле 1945 г., главное внимание уделялось работе по разъяснению международной обстановки, политического значения заявления советского правительства от 5 апреля 1945 г. о денонсации советско-японского Пакта о нейтралитете. В документах военных советов фронтов подчеркивалось, что после денонсации пакта необходимо все усилия командиров, политорганов, партийных и комсомольских организаций направить на повышение боевой выучки войск, на усиление пропаганды боевого опыта войны с фашистской Германией.

Военный совет Приморской группы в своей директиве от 16 мая 1945 г. призывал повышать уровень идейно-политического воспитания воинов в духе любви к своей Родине и ненависти к японскому империализму, шире пропагандировать героические свершения фронтовиков в борьбе с немецким фашизмом, а также подвиги героев боев у озера Хасан, на р. Халхин-Гол²²³.

На втором этапе морально-психологическая подготовка проводилась более целенаправленно и с учетом конкретных условий, в которых находились те или иные части и подразделения. Так, воины, прибывшие из районов Праги и Восточной Пруссии, нацеливались на быстрейшее овладение способами боевых действий на новом театре, на изучение военно-политического положения Японии, структуры японских войск и их тактики, традиций и обычаев и т. д. Особенно пристально дальневосточниками изучался в это время опыт боев на Западе, которым располагали прибывшие оттуда войска. Так, в 1-м Дальневосточном фронте из офицеров 5-й армии, прибывшей в июне 1945 г. из Восточной Пруссии, были созданы лекторские группы, которые проводили беседы по тематике, связанной с преодолением мощных укреплений обороны противника. Поскольку войска 1-й Краснознаменной армии постоянно находились на Дальнем Востоке, то основную работу лекторские группы проводили в ее частях и подразделениях.

Характерной особенностью подготовки Дальневосточной кампании было совместное выступление против Японии советских войск Дальнего Востока и монгольской Народно-революционной армии. Командиры и политработники союзных армий на совместных учениях отрабатывали управление и связь, боевое взаимодействие войск, способы ведения боя в горно-пустынной местности. Регулярно устраивались встречи воинов — участников боев у озера Хасан и на р. Халхин-Гол двух дружественных армий²²⁴. В результате большой подготовительной работы за неделю до начала боевых действий войска Дальнего Востока были практически полностью готовы выступить на разгром Квантунской группировки японцев.

7 августа поступила директива Ставки ВГК войскам Забайкальского, 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов²²⁵, которая предписывала начать 9 августа боевые действия для выполнения задач, поставленных 28 июня 1945 г. На митингах и собраниях, прошедших 8 августа, воины армии и флота поклялись с честью выполнить приказ Родины²²⁶.

Накануне военных действий против Японии командующим войсками Забайкальского фронта, 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов и командующему Тихоокеанским флотом была направлена директива маршала А. М. Василевского с указанием мероприятий, которые следовало провести среди гражданского населения на территориях фронтов и флота. Здесь полностью использовался опыт войны с фашистской Германией и прямо указывалось на необходимость руководствоваться указом Президиума Верховного Совета СССР о военном положении от 22 июня 1941 г.

На всем Дальнем Востоке в городах и селах с начала военных действий было объявлено военное положение, вводилась светомаскировка, принимались строгие меры по обеспечению порядка и безопасности.

8 августа 1945 г. японскому послу в Москве было передано заявление советского правительства, опубликованное на следующий день в газете «Правда»: «После разгрома и капитуляции гитлеровской Германии Япония оказалась единственной великой державой, которая все еще стоит за продолжение войны.

Требование трех держав — Соединенных Штатов Америки, Великобритании и Китая — от 26 июля сего года о безоговорочной капитуляции японских вооруженных сил было отклонено Японией...

Учитывая отказ Японии капитулировать, союзники обратились к Советскому правительству с предложением включиться в войну против японской армии и тем самым сократить сроки окончания войны, сократить количество жертв и содействовать скорейшему восстановлению всеобщего мира.

Верное своему союзническому долгу, Советское правительство приняло предложение союзников и присоединилось к заявлению союзных держав от 26 июля сего года.

Советское правительство считает, что такая его политика является единственным средством, способным приблизить наступление мира, освободить народы от дальнейших жертв и страданий и дать возможность японскому народу избавиться от тех опасностей и разрушений, которые были пережиты Германией после ее отказа от безоговорочной капитуляции.

Ввиду изложенного Советское правительство заявляет, что с завтрашнего дня, то есть с 9 августа, Советский Союз будет считать себя в состоянии войны с Японией».

Ярким подтверждением верности заявленным справедливым и гуманным целям войны, стремления СССР избежать излишнего кровопролития, а не затянуть войну и воспользоваться благоприятным моментом, чтобы «отхватить побольше территории Японии», в чем его пытаются обвинить некоторые японские историки и официальные лица, явилось обращение Главного командования советских войск на Дальнем Востоке к японскому народу со специальным воззванием:

«Мужчины и женщины Японии!

Офицеры и солдаты!

Если вы будете до конца поддерживать своих теперешних правителей и военную клику авантюристов, то и Японии не избежать судьбы Германии. Не допускайте этого! Японский народ должен жить! Кончайте бессмысленную для вас войну. Требуйте немедленной и безоговорочной капитуляции японской армии, японского флота перед Красной Армией и армиями наших союзников. Только так вы сможете спасти свою страну от опустошения и самих себя от гибели»²²⁷.

Однако военно-политическое руководство Японии сделало все, чтобы народ и армия не узнали об этом обращении, и развернуло сопротивление действиям советских войск на всех направлениях.

Итак, военно-политическая и стратегическая обстановка на Азиатско-Тихоокеанском театре Второй мировой войны, сложившаяся к лету 1945 г., оставалась сложной. Япония, несмотря на то что оказалась после разгрома нацистской Германии единственным государством-агрессором, продолжала упорные военные действия в обширном регионе и не помышляла о безоговорочной капитуляции перед союзниками по антифашистской коалиции. При этом как Япония, так и сами союзники отчетливо понимали, что наличными на то время силами произвести коренные изменения в сложившейся ситуации в короткие сроки не удастся. Перелом в ходе вооруженной борьбы могло внести лишь подключение к военным действиям против Японии нового государства, обладавшего на Дальнем Востоке крупными вооруженными силами и опытом масштабных операций, в первую очередь на сухопутном театре военных действий. Именно таким государством был Советский Союз.

На Ялтинской и Потсдамской конференциях лидеров «большой тройки» все вопросы, связанные с предстоящим вступлением по многочисленным просьбам союзников СССР в войну против Японии, были не только согласованы, но и тщательно проработаны на уровне военных министерств и генеральных штабов. Советский Союз осуществил масштабные мероприятия по наращиванию и повышению боевой готовности своих войск и сил на Дальнем Востоке и в Забайкалье и, выполняя союзнический долг, в установленный срок, ровно три месяца спустя после капитуляции Германии, открыл военные действия против милитаристской Японии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны: Документы и материалы. Т. 3. М., 1947. С. 166.

² Дайтоа сэно кокан сэн си (Официальная история войны в Великой Восточной Азии) (далее — Дайтоа сэно кокан сэн си). В 110-ти т. Токио, 1960-е — 1990-е гг. Т. 73. Кантогун (Квантунская группировка войск). Ч. 2. Кантокуэн. Сюсэндзи-но тайсосэн (План «Кантокуэн». Военные действия против Советского Союза на завершающем этапе). Токио, 1974. С. 325.

³ Правда. 1945. 9 августа.

⁴ Beijing Review. 1985. May 6. P. 16, 18.

⁵ Bateson Ch. The War with Japan: A Concise History. Sydney, 1968. P. 375; Хаттори Т. Дайтоа сэно дзэн си (Полная история войны в Великой Восточной Азии). Токио, 1970. С. 866.

⁶ См.: История Второй мировой войны 1939–1945 гг. В 12-ти т. Т. 11. М., 1980. С. 142, 148; United States Strategic Bombing Survey. The Effects of Strategic Bombing on Japan's War Economy. Wash., 1946. P. 176, 180–181, 183; Моримото Т. Масё-но рэкиси (Зловещая история). Токио, 1985. С. 72, 79.

⁷ Вторая мировая война: Цифры и факты. М., 1986. С. 769.

⁸ Моримото Т. Масё-но рэкиси. С. 154–155.

⁹ Центральный государственный архив Военно-морского флота. Ф. 2. Оп. 035630. Д. 3. Л. 1.

¹⁰ Центральный военно-морской архив (далее — ЦВМА). Ф. 2450. Оп. 0019979. Д. 88. Л. 622.

¹¹ История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 11. С. 147.

¹² Вторая мировая война: Краткая история. М., 1984. С. 545.

¹³ Зимонин В. П. Регион в огне. Узловые проблемы войны на Тихом океане. М., 1993. С. 319.

¹⁴ Там же. С. 320.

¹⁵ ЦВМА. Ф. 2450. Оп. 028518. Д. 1. Л. 51.

¹⁶ Там же. Оп. 0119979. Д. 88. Л. 16–17.

¹⁷ Там же. Оп. 028518. Д. 1. Л. 51 об.

¹⁸ Там же. Оп. 0019979. Д. 88. Л. 620.

¹⁹ Там же; Вторая мировая война: Краткая история. С. 545.

²⁰ Савин А. С. Японский милитаризм в период Второй мировой войны 1939–1945 гг. М., 1979. С. 6; Зимонин В. П. Регион в огне. С. 329.

²¹ ЦВМА. Ф. 2450. Оп. 0019979. Д. 88. Л. 618.

²² Kase T. Journey to the «Missouri»: A Japanese Diplomatic Story of How His Country Made War and Peace. New Haven, 1950. P. 101.

²³ Савин А. С. Японский милитаризм в период Второй мировой войны 1939–1945 гг. С. 226.

²⁴ Военно-морской флот Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. В 3-х т. Т. III. М., 1962. С. 468.

²⁵ The Entry of the Soviet Union into the War Against Japan: Military Plans. 1941–1945. Wash., 1955. P. 63.

²⁶ Reports of General MacArthur: Japanese Operations in South-West Pacific Area. Wash., 1966. Vol. 1. P. 395.

²⁷ Протокол совещания см.: ЦАМО. Ф. 113. Оп. 3274. Д. 11. Л. 201, 203, 219.

²⁸ Churchill W. The Second World War. Vol. 6. Triumph and Tragedy. N. Y., 1974. P. 536–537.

²⁹ Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945 гг.: Краткая история. 3-е изд. М., 1984. С. 476; История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 11. С. 25, 213; Command Decisions / Ed. with Introductory Essay by K. Greenfield. Wash., 1987. P. 501, 504; The Entry of the Soviet Union into the War

Against Japan. P. 65, 85–88; *Spector R. Eagle Against the Sun: The American War with Japan*. N. Y., 1985. P. 511–530.

³⁰ Foreign Relations of the U. S. Diplomatic Papers (далее — FRUS): The Conferences at Cairo and Tehran, 1943. Wash., 1961. P. 370–371.

³¹ Relations with China: Reference to the Period 1944–1945. Wash., 1949. P. VIII; The Japan Times. 1984. August 15; *Stimson H., Bundy M. On Active Service in Peace and War*. N. Y., 1948. P. 619; *Churchill W. The Second World War*. Vol. 6. P. 545; *Зимонин В. П. Принуждение агрессора к миру: Советский Союз и победная точка во Второй мировой войне*. М., 2011. С. 108.

³² Америка. 1985. № 346. С. 16.

³³ Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945 гг: Краткая история. С. 478; *Command Decisions*. P. 507–508.

³⁴ *Spector R. Eagle Against the Sun*. P. 552–553.

³⁵ *Churchill W. The Second World War*. Vol. 6. P. 333.

³⁶ Разгром милитаристской Японии и освободительная миссия СССР в Азии: Сборник документов. М., 1985. С. 19.

³⁷ *Deane J. The Strange Alliance*. N. Y., 1947. P. 226.

³⁸ *Эрман Дж. Большая стратегия (октябрь 1944 — август 1945)* / Пер. с англ. М., 1958. С. 204–205.

³⁹ *Говард М. Большая стратегия (август 1942 — сентябрь 1943)* / Пер. с англ. М., 1980. С. 434.

⁴⁰ *Stoler M. The Politics of the Second Front: American Military Planning and Diplomacy in Coalition Warfare, 1941–1943*. Westport; L., 1977. P. 144.

⁴¹ Разгром милитаристской Японии и освободительная миссия СССР в Азии. С. 110.

⁴² История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 11. С. 184.

⁴³ Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. 2-е изд. В 2-х т. М., 1989. Т. 2. С. 31.

⁴⁴ Разгром милитаристской Японии и освободительная миссия СССР в Азии. С. 20.

⁴⁵ *Negotiating with the Russians* / Ed. by R. Dannett and J. Johnson. Boston, 1951. P. 20.

⁴⁶ *Василевский А. М. Дело всей жизни*. В 2-х кн. 6-е изд. Кн. 2. М., 1988. С. 238–239.

⁴⁷ *Василевский А. М. Дело всей жизни*. М., 1975. С. 352.

⁴⁸ *Василевский А. М. Дело всей жизни*. М., 2010. С. 478.

⁴⁹ *Stettinius E. Roosevelt and the Russians. The Yalta Conference*. L., 1955. P. 90–91.

⁵⁰ *Савин А. С. Японский милитаризм в период Второй мировой войны 1939–1945 гг.* С. 191.

⁵¹ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании 4–10 февраля 1945 г. (далее — Крымская конференция). В 4-х т. М., 1984. С. 254–255.

⁵² Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Документы и материалы. В 2-х т. Т. 2. М., 1984. С. 217–273, 289–290.

⁵³ Ялта. 1945 год: Проблемы войны и мира / Под общей ред. А. Н. Баженова, О. А. Ржешевского. М., 1992. С. 121; *Stoler M. Allies at War, 1941–1945* // Report on Conference. New Brunswick, 1994.

⁵⁴ Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 06. Оп. 7а. Д. 9. П. 58. Л. 2–3 (Начальник военной миссии США генерал-майор Армии США Джон Р. Дин — заместителю начальника Генерального штаба Красной армии генералу А. И. Антонову. 18 ноября 1945 г.).

⁵⁵ *Churchill W. The Second World War*. Vol. 6. P. 295.

⁵⁶ *Ibid.* P. 333.

⁵⁷ *Ibid.* P. 297.

⁵⁸ Российский государственный военный архив (далее — РГВА). Ф. 415/п. Оп. 5. Д. 68. Л. 166–167; Д. 72. Л. 18–20.

⁵⁹ *Зимонин В. П. Победная точка во Второй мировой войне: Советско-японская война 1945 г. — происхождение, ход, итоги*. М., 2005. С. 20.

⁶⁰ *Борисов О. Б., Бутурлинов В. Ф., Носков А. М., Щебенков Ю. М. Победа на Востоке: К 40-летию разгрома милитаристской Японии*. М., 1988. С. 9; *Краснознаменный Тихоокеанский флот*. 3-е изд. М., 1981. С. 135–136; *Локвуд Ч. Топи их всех* / Пер. с англ. М., 1960. С. 95; *Вторая мировая война: Краткая история*. С. 485, 550.

- ⁶¹ Борисов О. Б., Бутурлинов В. Ф., Носков А. М., Щебеньков Ю. М. Победа на Востоке. С. 21.
- ⁶² ЦАМО. Ф. 113. Оп. 3274. Д. 11. Л. 210.
- ⁶³ In: *Beloff M. Soviet Policy in the Far East, 1944–1951*. L., 1953. P. 23–24.
- ⁶⁴ *Rose L. After Yalta: America and the Origins of the Cold War*. N. Y., 1973. P. 25.
- ⁶⁵ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. В 2-х т. Т. 2. М., 1983. С. 182 (Сталин — Черчиллю 30 сентября 1944 г.), 191.
- ⁶⁶ FRUS: The Conferences at Malta and Yalta, 1945. P. 368.
- ⁶⁷ *Jones R. H. The Roads to Russia: United States Lend-Lease to the Soviet Union*. N. Y., 1969. P. 180.
- ⁶⁸ FRUS: The Conferences at Malta and Yalta, 1945. P. 369; Ялта. 1945 год: Проблемы войны и мира. С. 121.
- ⁶⁹ Крымская конференция. С. 140; FRUS: The Conferences at Malta and Yalta, 1945. P. 768.
- ⁷⁰ *Churchill W. The Second World War*. Vol. 6. P. 334.
- ⁷¹ The Foreign Office and the Kremlin: British Documents on Anglo-Soviet Relations 1941–1945 / Ed. by Qr. Ross. L., 1984. P.52; The Diaries of Sir Alexander Cadogan 1938–1945 / Ed. by D. Dilks. L., 1979. P. 715.
- ⁷² Цит. по: *Новиков Н. В. Воспоминания дипломата: Записки о 1938–1947 гг.* М., 1989. С. 285.
- ⁷³ Военно-исторический журнал. 1989. № 10. С. 20–21.
- ⁷⁴ Command Decisions. P. 503.
- ⁷⁵ Ibid. P. 502–503.
- ⁷⁶ FRUS: The Conference of Berlin (The Potsdam Conference), 1945. Vol. 1. Wash., 1960. P. 905.
- ⁷⁷ The Entry of the Soviet Union into the War Against Japan. P. 51.
- ⁷⁸ Цит. по: *Ситолс В. Я. На пути к великой победе: Советская дипломатия в 1941–1945 гг.* М., 1985. С. 437.
- ⁷⁹ Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (17 июля — 2 августа 1945): Сб. документов. М., 1980. С. 43.
- ⁸⁰ *Mee Ch. L. Meeting at Potsdam*. L., 1976. P. 80, 326.
- ⁸¹ Цит. по: *Бережков В. М. Значение потсдамских решений // США — экономика, политика, идеология*. 1985. № 7. С. 60–61.
- ⁸² FRUS: The Conference of Berlin (The Potsdam Conference), 1945. Vol. 2. P. 345.
- ⁸³ Цит. по: ЦАМО. Ф. 40. Оп. 11549. Д. 313. Л. 80–83.
- ⁸⁴ История войны на Тихом океане / Пер. с япон. В 6-ти т. Т. IV. М., 1958. С. 97.
- ⁸⁵ Там же. С. 327.
- ⁸⁶ История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 11. С. 13.
- ⁸⁷ Тайхэй сэнсо си (История войны на Тихом океане). В 5-ти т. Т. 5. Токио, 1973. С. 86.
- ⁸⁸ Там же. С. 88; ЦВМА. Ф. 2450. Оп. 0019979. Д. 88. Л. 620.
- ⁸⁹ История войны на Тихом океане. Т. III. С. 324.
- ⁹⁰ История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 11. С. 14.
- ⁹¹ *Лукьянова М. И. Японские монополии во время Второй мировой войны*. М., 1953. С. 179–181.
- ⁹² Война и общество в XX веке. В 2-х т. М., 2008. Кн. 2. С. 466.
- ⁹³ Там же. С. 466.
- ⁹⁴ *Коэн Дж. Военная экономика Японии / Пер. с англ.* М., 1951. С. 140.
- ⁹⁵ История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 11. С. 179.
- ⁹⁶ Война и общество в XX веке. Кн. 2. С. 465.
- ⁹⁷ Тайхэй сэнсо (Война на Тихом океане). Токио, 1967. С. 387–388.
- ⁹⁸ *Хаттори Т. Япония в войне 1941–1945 / Сокр. пер. с япон.* М., 1973. С. 527.
- ⁹⁹ Там же. С. 528.
- ¹⁰⁰ *Vix H. P. Hirohito and the Making of Modern Japan*. N. Y., 2001. P. 480.
- ¹⁰¹ Японский милитаризм (Военно-историческое исследование). М., 1972. С. 216.
- ¹⁰² Там же.
- ¹⁰³ War in Asia and the Pacific 1939–1949: A Fifteen-volume Collection / Ed. by D. Detwiler, Ch. Burdick. N. Y., L., 1980. Vol. 8. China, Manchuria and Korea (Part 1). P. 180.
- ¹⁰⁴ Command Decisions. P. 505, 513.
- ¹⁰⁵ *Хаттори Т. Дайтоа сэнсо дзэн си*. С. 851–854.

- ¹⁰⁶ *Хаттори Т.* Япония в войне 1941–1945 гг. С. 538.
- ¹⁰⁷ Там же. С. 536.
- ¹⁰⁸ Там же. С. 536–537.
- ¹⁰⁹ Там же. С. 538–539.
- ¹¹⁰ *Биссон Т. А.* Военная экономика Японии / Пер. с англ. М., 1949. С. 280–281.
- ¹¹¹ Война и общество в XX веке. Кн. 2. С. 467.
- ¹¹² *Биссон Т. А.* Военная экономика Японии. С. 538–539.
- ¹¹³ Японский милитаризм. С. 217.
- ¹¹⁴ Там же. С. 218.
- ¹¹⁵ *Крейг У.* Падение Японии / Пер. с англ. М., 1999. С. 61–62.
- ¹¹⁶ Нихон си сирё (Материалы по истории Японии). В 3-х т. Токио, 1958. Т. 2. С. 236.
- ¹¹⁷ Тайхэйё сэнсо си. Т. 5. С. 302.
- ¹¹⁸ Мировые войны XX века. В 4-х кн. Кн. 3. Вторая мировая война. Исторический очерк. М., 2002. С. 519–520.
- ¹¹⁹ United States Strategic Bombing Survey. The Effects of Strategic Bombing on Japanese Morale. Wash., 1947. P. 19.
- ¹²⁰ Сэнсо то кокумин (Война и народ). Токио, 1980. С. 177–178.
- ¹²¹ Война и общество в XX веке. Кн. 2. С. 469.
- ¹²² *Vix H. P.* Hirohito and the Making of Modern Japan. P. 490.
- ¹²³ См. подробнее: *Кошкин А. А.* «Кантокуэн» — «Барбаросса» по-японски. Почему Япония не напала на СССР. М., 2011. С. 173–179.
- ¹²⁴ *Хаттори Т.* Япония в войне 1941–1945 гг. С. 541.
- ¹²⁵ Сюээн сирокү. Гаймусё хэн (Документы истории окончания войны. Составитель — Министерство иностранных дел Японии). В 6-ти т. Токио, 1977–1978. Т. III. С. 27.
- ¹²⁶ Там же. С. 27–29.
- ¹²⁷ *Хаттори Т.* Япония в войне 1941–1945 гг. С. 542.
- ¹²⁸ Там же. С. 544–545.
- ¹²⁹ Дайтоа сэнсо кокан сэн си. Т. 73. С. 389; История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 11. С. 38–39.
- ¹³⁰ Гундзи кэнкю. 1977. № 6. С. 58–59.
- ¹³¹ Дайтоа сэнсо кокан сэн си. Т. 73. С. 388–397.
- ¹³² *Борисов О. Б., Бутурлинов В. Ф., Носков А. М., Щебенков Ю. М.* Победа на Востоке. С. 88.
- ¹³³ Дайтоа сэнсо кокан сэн си. Т. 73. С. 388–397.
- ¹³⁴ *Бутурлинов В. Ф., Вартанов В. Н., Зимонин В. П. и др.* Вторая мировая война в Азиатско-Тихоокеанском регионе: Военно-политический очерк. М., 1989. С. 237.
- ¹³⁵ История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 11. С. 182; *Волкогонов Д. А.* Триумф и трагедия. В 2-х кн. Кн. 2. Ч. 2. М., 1989. С. 18; ЦАМО. Ф. 66. Оп. 178 499. Д. 2–4, 8, 9 и др.
- ¹³⁶ Хроника боевых действий Тихоокеанского флота в войне с Японией. М., 1949. С. 8.
- ¹³⁷ *Борисов О. Б., Бутурлинов В. Ф., Носков А. М., Щебенков Ю. М.* Победа на Востоке. С. 88.
- ¹³⁸ Военно-исторический журнал. 1975. № 8. С. 67; История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 11. С. 182.
- ¹³⁹ Дайтоа сэнсо кокан сэн си. Т. 73. С. 395.
- ¹⁴⁰ Гундзи кэнкю. 1977. № 6. С. 57–58.
- ¹⁴¹ Дайтоа сэнсо кокан сэн си. Т. 73. С. 394–395.
- ¹⁴² История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 11. С. 67, 73.
- ¹⁴³ Гундзи кэнкю. 1977. № 8. С. 27.
- ¹⁴⁴ Там же. С. 28.
- ¹⁴⁵ Там же. С. 30.
- ¹⁴⁶ Дайтоа сэнсо кокан сэн си. Т. 73. С. 384.
- ¹⁴⁷ Там же. С. 393–394; РГВА. Ф. 451/п. Оп. 5. Д. 72. Л. 22, 115–122.
- ¹⁴⁸ История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 11. С. 180; *Василевский А. М.* Дело всей жизни. М., 2010. С. 479.

- ¹⁴⁹ История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 11. С. 180.
- ¹⁵⁰ Там же. С. 454.
- ¹⁵¹ *Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны. В 2-х кн. М., 1985. Кн. 1. С. 403.
- ¹⁵² Там же. С. 374.
- ¹⁵³ Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны. Т. 2. С. 171–172.
- ¹⁵⁴ *Эрман Дж.* Большая стратегия (октябрь 1944 — август 1945). С. 206–207.
- ¹⁵⁵ История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 11. С. 209.
- ¹⁵⁶ Ялта. 1945 год: Проблемы войны и мира. С. 128.
- ¹⁵⁷ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 439.
- ¹⁵⁸ *Мерецков К. А.* На службе народу. М., 1971. С. 410.
- ¹⁵⁹ ЦАМО. Ф. 113. Оп. 3274. Д. 11. Л. 211.
- ¹⁶⁰ Там же. Ф. 132. Оп. 2642. Д. 42. Л. 73–76.
- ¹⁶¹ Ялта. 1945 год: Проблемы войны и мира. С. 130.
- ¹⁶² Разгром японского милитаризма во Второй мировой войне. С. 78.
- ¹⁶³ *Ковалев И. В.* Транспорт в Великой Отечественной войне (1941–1945). М., 1981. С. 385.
- ¹⁶⁴ ЦАМО. Ф. 113. Оп. 3274. Д. 11. Л. 224, 230.
- ¹⁶⁵ Победа СССР в войне с милитаристской Японией и послевоенное развитие Восточной и Юго-Восточной Азии. М., 1977. С. 43.
- ¹⁶⁶ Там же. С. 44–45.
- ¹⁶⁷ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. В 6-ти т. М., 1963. Т. 5. С. 551.
- ¹⁶⁸ *Ковалев И. В.* Транспорт в Великой Отечественной войне (1941–1945). С. 399.
- ¹⁶⁹ Операции Советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне. М., 1959. Т. 4. С. 624.
- ¹⁷⁰ Финал. М., 1969. С. 159.
- ¹⁷¹ ЦАМО. Ф. 66. Оп. 77213. Д. 1. Л. 27.
- ¹⁷² Разгром японского милитаризма во Второй мировой войне. С. 80.
- ¹⁷³ *Гришин М. И.* Военные сообщения в кампании Советских вооруженных сил на Дальнем Востоке. М., 1960. С. 38, 40.
- ¹⁷⁴ Победа СССР в войне с милитаристской Японией и послевоенное развитие Восточной и Юго-Восточной Азии. С. 47.
- ¹⁷⁵ *Хаттори Т.* Дайтоа сэно дзэн си. С. 847.
- ¹⁷⁶ Цит. по: *Шикин И. В., Сапожников Б. Г.* Подвиг на дальневосточных рубежах. М., 1975. С. 7.
- ¹⁷⁷ Цит. по: *Василевский А. М.* Дело всей жизни. В 2-х кн. 6-е изд. Кн. 2. С. 244–245.
- ¹⁷⁸ История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 11. С. 213.
- ¹⁷⁹ Там же. С. 192, 196.
- ¹⁸⁰ *Зимонин В. П.* Последний очаг Второй мировой. М., 2002. С. 165.
- ¹⁸¹ Там же.
- ¹⁸² История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 11. С. 193, 196–197; Разгром японского милитаризма во Второй мировой войне. С. 23–24.
- ¹⁸³ *Виноградов Л. Н., Егоров П. Я.* Разгром агрессии на Дальнем Востоке. М., 1975. С. 9.
- ¹⁸⁴ Советские танковые войска. 1941–1945. М., 1973. С. 310; История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 11. С. 197.
- ¹⁸⁵ Разгром японского милитаризма во Второй мировой войне. С. 117.
- ¹⁸⁶ Там же. С. 118–119.
- ¹⁸⁷ Хроника боевых действий Тихоокеанского флота в войне с Японией. С. 6.
- ¹⁸⁸ Там же.
- ¹⁸⁹ Разгром японского милитаризма во Второй мировой войне. С. 89.
- ¹⁹⁰ Военно-морской флот Советского Союза в Великой Отечественной войне. Т. III. С. 472, 474.
- ¹⁹¹ *Борисов О. Б., Бутурлинов Б. Ф., Носков А. М., Щebenков Ю. М.* Победа на Востоке. С. 22.
- ¹⁹² *Василевский А. М.* Дело всей жизни. В 2-х кн. 6-е изд. Кн. 2. С. 249.

- ¹⁹³ *Зимонин В. П.* Последний очаг Второй мировой. С. 172.
- ¹⁹⁴ Там же.
- ¹⁹⁵ *Василевский А. М.* Дело всей жизни. В 2-х кн. 6-е изд. Кн. 2. С. 238–239, 241.
- ¹⁹⁶ ЦАМО. Ф. 132. Оп. 2642. Д. 13. Л. 225–228.
- ¹⁹⁷ Там же. Д. 42. Л. 73–74.
- ¹⁹⁸ Там же. Л. 75–76.
- ¹⁹⁹ *Василевский А. М.* Дело всей жизни. В 2-х кн. 6-е изд. Кн. 2. С. 485.
- ²⁰⁰ Разгром японского милитаризма во Второй мировой войне. С. 120.
- ²⁰¹ Там же.
- ²⁰² ЦАМО. Ф. 339. Оп. 5179. Д. 91. Л. 111–113.
- ²⁰³ Разгром японского милитаризма во Второй мировой войне. С. 89.
- ²⁰⁴ Советские Военно-воздушные силы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 1968. С. 425.
- ²⁰⁵ Разгром японского милитаризма во Второй мировой войне. С. 90–91.
- ²⁰⁶ Там же. С. 91–92.
- ²⁰⁷ Там же. С. 91.
- ²⁰⁸ Там же. С. 92.
- ²⁰⁹ Краснознаменный Тихоокеанский флот. 3-е изд. М., 1981. С. 162; Хроника боевых действий Тихоокеанского флота в войне с Японией. С. 15.
- ²¹⁰ Краснознаменный Тихоокеанский флот. С. 162; ЦВМА. Ф. 129. Д. 17704. Л. 27.
- ²¹¹ История военно-морского искусства. М., 1970. С. 505.
- ²¹² Краснознаменный Тихоокеанский флот. С. 502.
- ²¹³ Военно-морской флот Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. III. С. 475–476.
- ²¹⁴ История военно-морского искусства. С. 502.
- ²¹⁵ Краснознаменный Тихоокеанский флот. С. 190–191.
- ²¹⁶ Разгром японского милитаризма во Второй мировой войне. С. 124–125.
- ²¹⁷ Хроника боевых действий Тихоокеанского флота в войне с Японией. С. 12.
- ²¹⁸ *Зимонин В. П.* Маршал Василевский: полководец, поставивший последнюю точку во Второй мировой войне. М., 2007. С. 49.
- ²¹⁹ *Зимонин В. П.* Последний очаг Второй мировой. С. 186.
- ²²⁰ Там же. С. 186–187.
- ²²¹ *Шикин И. В., Сапожников Б. Г.* Подвиг на дальневосточных рубежах. С. 83.
- ²²² История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 11. С. 314, 317.
- ²²³ ЦАМО. Ф. 32. Оп. 2215. Д. 2. Л. 20–28.
- ²²⁴ *Зимонин В. П.* Верность традициям: Вооруженные силы СССР в войне против Японии. М., 1998. С. 22–23.
- ²²⁵ 5 августа 1945 г. Приморская группа войск была переименована в 1-й Дальневосточный фронт, а Дальневосточный фронт — во 2-й Дальневосточный фронт.
- ²²⁶ *Зимонин В. П.* Последний очаг Второй мировой. С. 188.
- ²²⁷ Цит. по: *Шикин И. В., Сапожников Б. Г.* Подвиг на дальневосточных рубежах. С. 115.